ПРОЩАЙТЕ, ГОЛУБИ!

Родился Яков Александрович Сегель в 1923 году в Ростове-на-Дону.

Фамилию Сегель можно встретить среди старых русских кинематографистов: в синематографе, как он назывался в первые годы своего существования, работали дед и отец автора; его мать окончила первую актерскую киношколу, которой руководил Перестиани. Позднее она работала на студии «Мосфильм», была ассистентом у таких мастеров режиссуры, как Пудовкин и Довженко.

Все свободное от школы время Яша Сегель проводил на съемочной площадке. Дебютировал Сегель в кино еще мальчиком: когда ему было двенадцать лет, он сыграл роль Роберта в фильме «Дети капитана Гранта».

В 1942 году Я. Сегель ушел на фронт. Всю войну провел в Действующей армии в воздушно-десантных войсках. Был тяжело ранен. Демобилизовался после окончания войны. За боевые заслуги был неоднократно награжден.

Привитая с детства любовь к искусству не покидала Я. А. Сегеля и на фронте — весь свой досуг он отдавал самодеятельности. Вернувшись в Москву, поступил в студию Ю. А. Завадского при

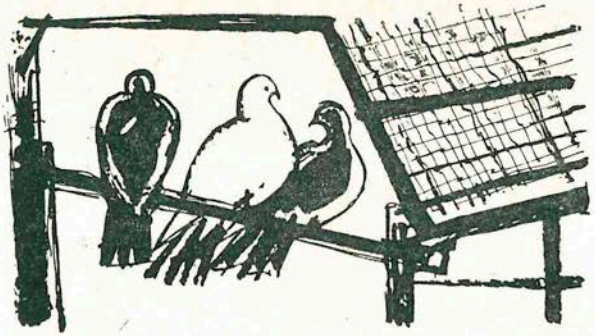
БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

Я. СЕГЕЛЬ

Прощайте, голуби

Лирическая киноповесть, рассказанная с улыбкой

Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1961



Памяти матери посвящаю.

Автор

Свист — лихой, пронзительный, сверлящий.

Он рвет тишину в клочки и вышвыривает ее в синее небо стаей белоснежных голубей.

Соловей-Разбойник в гимнастерке ремесленника стоит на крутой крыше. Четыре пальца во рту, глаза крутятся вслед за стаей.

Соловью-Разбойнику восемнадцать лет, и зовут его Генка.

Но вдруг свист обрывается как срезанный.

С этого мгновения для Генки перестают существовать голуби, крыша, небо...

В это мгновение Генки коснулась любовь!

Она шла далеко внизу, вдоль улицы, среди потока прохожих, в скромном платьице, милая, стройная, строгая.

Генка извлек из кармана осколок зеркала, поднял его над головой, и тотчас солнечный зайчик скакнул прямо на плечо девушки.

Она попыталась стряхнуть его, но зайчик оказался удивительно цепким.

Девушка попыталась незаметно разглядеть Соловья-Разбойника, но, кроме ослепительного кусочка солнца на крыше, ничего не увидела.

Тогда, приняв вполне независимый вид, она решительно свернула за угол, и осиротевший зайчик повис на почтовом ящике.

Генка не мог видеть, что, свернув за угол, девушка тотчас очень осторожно выглянула снова, прячась за водосточной трубой.

Крик ребят снизу заставил его очнуться. Генка глянул в небо, но голубей там не было.

А снизу вопили ребята:

— Это Васька Конопля осадил!

— Конопля понятую кинул!

— Теперь проси — не отдаст!

Генка прищурился, решаясь на что-то, выхватил из голубятни двух верных голубок, сунул их за пазуху, спрыгнул с крыши и, на ходу надевая ремень и фуражку, решительно пошел за ворота. Петька, в свои десять лет уже понимавший толк в мужской дружбе, не раздумывая, последовал за ним.

Когда последний Генкин голубь оказался в чужой голубятне, огромной и роскошной,

коварная дверца мгновенно захлопнулась, и из засады поднялся Васька Коноплянистый.

— Рублей на восемьдесят,— сказал он, оценивая добычу.

Ваську звали Коноплянистым за веснушки. Был он солидным двадцатипятилетним бездельником и лоботрясом. Еще раз оглянувшись на голубей, он подошел к своему мотоциклу — весьма допотопной развалине.

Пацаны, окружавшие машину, на всякий случай отступили, продолжая пребывать в восхищенном оцепенении.

— Покупай иномарку! — небрежно бросил Васька, любовно оглаживая свое потрепанное сокровище. — За четыреста пятьдесят оторвал, тебе за четыреста отдам.

— Да он у тебя не заводится... — с безразличной грустью сказал покупатель, такой же балбес, как и Васька. Он явно хотел сбить цену.

— Да как не заводится, — возмутился Васька. — Смотри!.. С пол-оборота!

Васька дрыгнул ногой. Мотоцикл ответил ему коротким ритмичным чиханьем. Васька снова дрыгнул ногой, но мотор снова лишь пять раз чихнул и замолк.

— Да он у него хоть сроду-то заводился?! — ехидно заметила женщина с ребенком на руках.

Васька произносил технические термины и продолжал дрыгать ногой.

— ...Пересосало... Коротит где-то... Искра ушла...

Уже выработалась определенная законо-

мерность: один раз дрыгала Васькина нога, пять раз чихал мотоцикл и замолкал.

...В ворота вошли Генка и Петька.

Они пересекли Васькин двор, живущий своей пестрой жизнью.

Ребята шли мимо четырехлетних архитекторов, возводивших свои дома на песке...

...мимо дворника, мимо домоуправа...

...мимо местных Ботвинников и их болельщиков...

...и, наконец, Генка остановился за Васькиной спиной.

Васька, выдержав надлежащую паузу, спросил, не оборачиваясь:

— Чего, ремесло, скажешь?

— Голубей отдай!

— Чего-чего? — прикинулся глухим Васька.

— Отдай голубей,— тихо, но твердо повторил Генка.

— Еще один клиент! — сказал Васька и противно захохотал. — Тебе как, в рассрочку или за наличные?

В окне второго этажа отодвинулась занавеска и показалась давешняя девушка. Она узнала в чужом парнишке Соловья-Разбойника и теперь видела, как вокруг него смыкается кольцо дворовых ребят.

Вот один из них незаметно лег сзади под ноги Генке, а Коноплянистый легонько толкает его в грудь, и Генка, споткнувшись, летит на землю. До девушки доносится хохот.

— Так, да? — спросил сквозь зубы Генка, поднимаясь с земли. — Так, да?

И Генка кинулся на врага, да так, что Васька даже на мгновение опешил. Они наскакивали друг на друга, удивительно напоминая боевых петухов. Но только если Генка был похож на молодого и еще бесхвостого, то Васька с его кадыком и небритыми щеками вполне походил на петуха средних лет, коварного и злого.

И как знать, чем бы окончилась схватка, если б не большое круглое зеркало.

Девушка направила солнце прямо на Ваську и на мгновение ослепила его.

Никто не успел опомниться, как Генка, выхватив из-за пазухи двух верных голубок, засветил их в небо и, сунув пыльные пальцы в рот, извлек такой свист, от которого оглохли стоящие вокруг. Петька в ту же секунду, дернув за веревку, распахнул настежь широкую дверцу Васькиной голубятни, и освобожденные голуби вновь взмыли в воздух и унеслись в сторону Генкиного двора...

...Вечером мать Гены, Мария Ефремовна, уже в который раз пришивала многострадальные пуговицы. Она откусила нитку, повесила гимнастерку на стул и присела на кровать в ногах сына.

— Ну, голубятник, когда же ты у меня человеком-то будешь?

И Генка, уже засыпая, сказал:

— Завтра, мама...

— Чего-чего? — улыбнулась мать.

— Не, правда, мама,— повторил он с

сонной серьезностью,— завтра, вот увидишь...— и уснул, как провалился.

Мать погасила свет.

В такт шагам позвякивает металл.

По многолюдной улице идут двое мимо продавцов мороженого, фруктов и прочих соблазнов: впереди — Генкин новый наставник, Максим Петрович, большой кряжистый мужчина в летах, позади — Генка, нагруженный всякими железяками.

Отлично начищены ботинки, отглажены брюки, гимнастерка без единой складочки, сверкают форменные пуговицы, белый подворотничок сдавливает Генкину шею.

По привычке загляделся парень на небо. А в небе голуби, голуби!!

Загляделся Генка на голубей и наткнулся на строгого учителя.

— Под ноги гляди! — посоветовал тот.

И Генка поплелся, глядя под ноги.

В первом же доме, на первой же лестнице дорогу Генке и Максиму Петровичу преградил рояль.

Грузчики отдыхали, прислонившись сильными спинами к сверкающей деке.

— Перекур? — весело спросил Максим Петрович.

— С дремотой, — в тон ему ответил грузчик и подвинулся, освобождая на ступеньках место рядом с собой.

Максим Петрович охотно присел и протянул Генке папиросы.

— Куришь?

Генка отрицательно помотал головой.

— И не привыкай.

Максиму Петровичу, видимо, нравилось демонстрировать себя в роли педагога. Поэтому, затянувшись, он строго спросил:

— Тебя как звать-то?

— Гена... Сохненко...

— Это чего такое «Гена»? Геннадий, два эн, рабочий класс! Ремесленное закончил, у меня стажируется, — сообщил Максим Петрович на всякий случай грузчику. Потом, взыскательно оглядев Генку, спросил: — Ну и что же, Геннадий, ты умеешь?

— Чему учили — все... — скромно ответил Гена.

— «Все», — повторил Максим Петрович, расхохотался и подтолкнул локтем грузчика. — «Все»! Это даже мы не умеем. Вот тебе первый урок: всегда начинай с верхнего этажа, а то внизу наломаешься — подниматься неохота. Это теория, а практика... Вот сейчас придем — вперед меня не суйся, а то на «спасибо» нарвемся. Ясно?

Но Генка не понял учителя и сказал:

— Нет.

Обычно Таня (так зовут Генкину любовь) изучает анатомию на своем дедушке.

Вот и сейчас дед читает увлекательную книгу, а она его выслушивает. Дедушка волнуется и шевелит губами.

— Дедушка, — кричит ему Таня прямо в ухо. — Ты не жуй, а дыши! Глубже!

Но в это время из передней слышится звонок и затем оглушительный бас Максима Петровича:

— Киевгаз!

Дедушка оживляется, появилась возможность пошутить.

— Пойдем! — заговорщицки тянет он Таню. — Пойдем, я тебе пятна капитализма покажу!

Перед застекленной дверью кухни он останавливает внучку.

— Становись здесь, гляди спектакль!

А на кухне действительно разыгрывается представление.

Максим Петрович подчеркнуто мрачно возится у плиты, давая Таниной маме понять, что с газом творится нечто страшное, катастрофическое, непоправимое.

Дедушка с этой стороны двери комментирует неслышный за стеклом разговор. Дедушка даже наперед угадывает, что сейчас станет делать мастер.

— Сейчас пугать начнет...

И действительно, Максим Петрович вздергивает руки, надувает щеки, хмурит брови, видимо, изображая возможный взрыв.

— Сейчас акт составлять будет, — уверенно шепчет дедушка.

Таня видит, как Максим Петрович начинает что-то писать, от чего Танина мама пугается еще больше.

— Сейчас десятку получит, — не сомневается дед.

И действительно, в тот же миг деньги из маминой руки переходят в ржавый кулак Максима Петровича.

— Вот тебе и пятна капитализма!

Но Таня не слышит деда. Она видит Гену и обливает его таким презрением, что несчастный лихой голубятник, чувствуя себя соучастником взятки, готов провалиться со стыда.

Когда мастер и Гена оказались на лестничной площадке и дверь за ними захлопнулась, Максим Петрович весело постучал по лбу согнутым пальцем.

— Ясно?! — спрашивает он не без лихости, но видит, что Гена не разделяет его веселья.

— Ну, чего ты? — Максим Петрович благодушно считает полученные деньги. — Или ты думаешь, тебе доли не будет? Вот, пожалуйста!.. Всего четвертной. Мне за выслугу лет — пятиалтынный, тебе — гривенник. — И Максим Петрович протягивает Гене десятку.

Рука с десяткой приводит Гену в бешенство:

— Вы знаете, кто вы есть?!.. Думаете, вы такой, так и все такие, да?!.. Думаете, я дешевый совсем?.. У меня совести нет? Да?! Так думаете?!

В этот момент распахнулась дверь, на пороге появилась Таня.

И Гена, очевидно, боясь расплакаться от

стыда и обиды, скатился по лестнице и кинулся со двора.

— Сохненко! — крикнул ему вслед мастер.— Сохненко!

Но Генки уже не было, и Максим Петрович, пряча десятку, сообщил все видевшей Тане:

— Вот послал господь психа — заработанное не берет...

Вечером того же дня Максим Петрович, опасаясь последствий, подошел к дому Сохненко. Помявшись у крыльца, он, наконец, попадает в темный коридор. Мастеру приходится пробираться на ощупь.

Вот громыхает чье-то ведро, корыто, падает что-то деревянное. Максим Петрович топчется в темноте на месте, попав, очевидно, в тупик.

Неожиданно загорается свет.

Максим Петрович действительно в тупике, между двумя столами, лицом к стене, а над ним на пирамиде из табуреток — электромонтер.

Максим Петрович покидает тупик и стучит в дверь.

В комнате одна Мария Ефимовна.

— Вам кого?

Снова гаснет свет. Разговаривают силуэты:

— Мне бы Сохненко, Геннадия.

Мария Ефимовна сразу пугается.

— Его нет, а что такое?

— Да поговорить надо... А вы мамаша его?

— Да...— Мария Ефимовна пугается все больше.— Да вы проходите... садитесь.

Свет на несколько секунд зажигается. Максим Петрович успевает добраться до стула, сесть. Свет снова гаснет.

— Вы, стало быть, его мамаша... А я, стало быть, ну, что ли, педагог его...

Свет загорается, Максим Петрович оглядывает комнату.

— А это, стало быть, хозяин? — говорит он, кивая на отретушированного мужчину в лакированной рамочке над комодом.

— Хозяин... В сорок третьем погиб...— произносит Мария Ефимовна скороговорочкой.— Генка мой чего натворил, да?

— Да нет... Так особо ничего. Ваше-то как имя-отчество?

— Мария Ефимовна...

Свет снова гаснет.

— Вот, Мария Ефимовна, какие дела... А меня Максим Петрович... А ваш Геннадий у меня практику получает...

Опять зажегся свет. Лицо Генкиной матери тревожно.

В нерешительности Максим Петрович оглядывает комнату и, заметив на окне банку с настоем, констатирует:

— Грыб...

— Грыб...— теряясь от неизвестности, подтверждает мать.

— Полезная вещь... Разные болезни...

Помогает... Я, так, смотрю, вы культурно живете...

Мария Ефимовна ставит перед гостем чашку грибного настоя.

— Да ну, что вы, — миндальничает мастер. — Если только так, для пробы.

Едва Максим Петрович пригубил чашку, как вошел Гена. Вошел, удивился присутствию мастера, поздоровался.

— О! — преувеличенно радостно, скрывая этим смущение, воскликнул мастер. — Сам молодой хозяин пожаловал. А мы, старики, сидим, беседуем... Ты что ж это, студент, на практику не ходишь? Теория — это, знаешь, одно, а практика — другое.

И Максим Петрович неопределенно повертел в воздухе большой своей рукой для уточнения разницы между теорией и практикой.

— Почему не хожу? — усмехнулся Гена, глядя прямо в глаза мастеру. — Я хожу...

— Ходишь... — Максим Петрович не выдержал Генкиного взгляда и отвел глаза. — Ты все норовишь, как говорится, поперек батьки.

— А какой же вы мне батька?

Максим Петрович аж крякнул, но скрыл досаду под усмешечкой:

— О, выходит, опять его правда...

Генка не стал спорить и полез под кровать за зерном для голубей.

— Да будет свет, и стал свет! — это распахнулась дверь, и на пороге появился припудренный штукатуркой электромонтер.

Он подморгнул Максиму Петровичу и, принимая его, видимо, за главу дома, добавил:

— Вот так, хозяин! А хозяюшка ваша говорила — пробки. А там всю проводку менять пришлось. Знал бы, не брался!

— Ну вот и спасибо вам, — сказала Мария Ефимовна.

— Так спасибо — это что... — вздыхает монтер. — Из спасибо шубы не сошьешь... Верно, хозяин?

Но Максим Петрович отвернулся и только осуждающе покачал головой.

Мария Ефимовна, несколько смутившись, произнесла:

— Прямо не знаю, чего еще... Ну вот, возьмите. — И, взяв с комода, она передает монтеру десятку.

— Да ерунда-а... — для приличия ломается монтер, но десятку охотно берет. — Теперь у вас свет, как говорится, до Страшного суда гореть будет... До свиданья, хозяин. — И монтер ушел.

Что-то буркнул невнятное Максим Петрович, вроде: «Тебя б самого под суд...»

В комнату заглянула соседка и почему-то радостно спросила:

— Сколько содрал?

— Десять рублей...

— Ой! — еще больше обрадовалась соседка. — И с меня пятерку! Вот бесстыжие глаза, монтер-то. — И только тут, заметив Максима Петровича, любезно добавила: — Хоть горит, спасибо. — И скрылась.

Видимо, от хлопка двери непрочный свет тотчас снова погас.

— Вот это практика! — не замедлил ввернуть в темноте насмешливый голос Генки. — Верно, хозяин?!

На другой день Генка опять не явился на практику к Максиму Петровичу.

Мастер один обходил квартиры.

На звонок раскрылась первая дверь.

Максим Петрович присел на корточки:

— Ишь ты, какой курносый. Дома-то есть кто?

— Мама, — пропищало из-за двери.

— Пойди скажи: «Киевгаз пришел».

— Киевгаз, мама! — закричал малыш.— Еще один Киевгаз пришел!

— Здравствуйте! — сказала невидимая за дверьми мама. — А от вас уже приходил кто-то. У нас там испорчено было, так он все починил. Молодой такой, с блестящим козырьком.

— Ремесленник? — подозрительно спросил Максим Петрович.

— Может быть... Во всяком случае, все горит.

— Уже легче,— тяжело вздохнул Максим Петрович и позвонил у двери напротив.

За раскрывшейся дверью ойкнули, и Максим Петрович отвел глаза.

— Не гляжу, не гляжу. Киевгаз!

— Господи! Да был только что один. Возился, смотрел, чинил...

— Молоденький? — прищурился Максим Петрович.

— Да-да, молоденький.

— Тем лучше...

И еще одна дверь этажом ниже. Максим Петрович нажимает на все четыре звонка разом, и они звонят на разные голоса. Наконец за дверью прошаркали шаги.

— Киевгаз! — представился мастер.

За дверью не расслышали.

— Что?

— Киевгаз!

— Что?

— Киевгаз!!! — проорал мастер.

— А-а, — догадались за дверью. — Так был только что один юноша. Посмотрел все. Все вроде горит...

— Тем лучше, — негромко произнес мастер багровея.

— Что?

— Тем лучше!!! — проорал он и бросился на следующую дверь. Она распахнулась, и на Максима Петровича гавкнула собака, не менее свирепая, чем он сам в это мгновение.

— Не бойтесь, — ангельски пропели из-за двери. — Она не кусается.

Мастер не стал дожидаться отставки и здесь. Теперь он все понял.

— У вас были? — только на всякий случай спросил он. — И все в порядке?! Молодой такой?! Очень хорошо!!!

И он бросился вниз и тут чуть было не столкнулся с Генкой.

Тот, веселый, выходит из квартиры на первом этаже.

— Теперь у вас будет полный порядок! И в кухне будет тореть и в ванной. — На мгновение голос Генки становится строгим:— Не-не-не-не! Вот это вот не надо. А если что-нибудь случится, тогда я зайду. До свиданья!

Все это время Максим Петрович стоит, притаившись за выступом стены. Здесь же прячутся ребята, играющие в прятки.

— Чур-чура, попался!! Чур-чура, попался!! — это, конечно, не ему, но все-таки...

— Вам что здесь, гражданин?!

А вот это уже относится к нему, к Максиму Петровичу. Действительно подозрительно: взрослый мужчина прячется по темным углам.

— Так... ничего...— смутился мастер и, не найдя ничего лучшего, представился: — Киевгаз...

...И этот новый день в газовой конторе начинается, как все прочие, мастера разбирают наряды и, громыхая железом на связках, расходятся по участкам.

Контора пустеет. Только за стеклянной перегородочкой девушка-диспетчер да на подоконнике Гена Сохненко.

— Чего-то опаздывает твой мастер.

— Ага, — отзывается Гена, доделывая бумажного голубя.

— А ты брал бы наряды, да за Максимом Петровичем и прямо на участок.

С пачкой нарядов выходит Генка на солнечную улицу.

Окликнул играющих ребятишек и, на радость им, запустил высоко своего бумажного голубя. А когда Генкина птица широкими кругами спустилась в руки пацанов, сам Генка был уже далеко.

Под многочисленными и разнообразными клетками с певчими птицами, на кровати в своей неуютной холостяцкой комнате хворает Максим Петрович.

— Да,— кричит он на стук за дверью.— Кто, доктор? — и приглушает репродуктор.

— Нет, — говорит Гена входя, — это я, Сохненко... А вы болеете?

— Не знаю... Голова не болит, живот не болит, сердце тоже... если только душа. — Мастер достает градусник и отдает Генке.— Погляди!

— Тридцать восемь и два, — говорит Гена.

— Тогда не душа, — усмехается мастер,— а что-нибудь желудочное...

— А вам, может, чего нужно?

— Чего мне нужно, ты все равно не добудешь.

— Почему?.. добуду,— неуверенно говорит Гена.

— Ну, тогда добудь мне твои семнадцать, а?.. Нет, Сохненко, этого не добудешь.

— Не добуду...— подтверждает Гена.

— А я в твои семнадцать... Тут тебе революция, тут тебе любовь...— повертел Максим

Петрович задумчиво перед глазами градусник и произнес грустно: — Тридцать восемь и два... — и, помолчав, добавил: — А ты на меня серчаешь?..

Генка смотрит мастеру прямо в глаза. И тот отворачивается и говорит дальнему углу:

— Смотри, чего делает щегол-то... А в общем, наверно, правильно серчаешь... Ладно... Ты вот что, ты мне можешь в библиотеке книгу сменить? — Он протянул Генке увесистый том.

— Не читал небось? Энциклопедия! А для меня лучшее чтение. — Максим Петрович наугад раскрыл книгу. — Эта на букву «л»... «Лактобацилин», к примеру, ну, что такое? Оказывается, простокваша. «На, сдашь эту, на букву «Л», возьмешь на букву «М».

Генка взял том и, раскрыв его в конце, стал внимательно листать.

Максим Петрович поглядел на Гену, все понял и сказал:

— Нету там этого слова.

Гена даже вздрагивает, пойманный с поличным:

— Какого? — и захлопывает энциклопедию.

— «Какого», «какого», — передразнивает мастер. — Небось слово «любовь» ищешь? Слова «любовь» нету там. Ненаучное это слово!

Гена поднялся.

— Ты далеко ли? — спросил Максим Петрович.

— На участок, по нарядам... вы уж болейте... то есть это... поправляйтесь, а я сам пока...

— «Сам»,— передразнил мастер.— А инструмент у тебя где? Вон, возьми мой, вон, в углу.

Гена перекидывает сумку с инструментом через плечо, берет под мышку книгу, где есть все, кроме слова «любовь», и уже у двери получает последнее напутствие Максима Петровича.

— И не робей! Пришел, позвонил:— Киевгаз! И всего дела! И главное, погромче. Так: Киевгаз!

— Киевгаз! — негромко произносит Гена и входит в чью-то квартиру.

Его встречает полная немолодая дама в китайском халате с драконами.

— Вот здесь, — говорит она, указывая мизинцем вверх, — временами шипит, а если поднести спичку — горит.

На стул ставится табуретка, и вот уже Гена под потолком, у крана, что над газовым счетчиком. Работать ему приходится в очень неудобной позе, а тут еще хозяйка ноет под руку:

— Юноша, вы царапаете стену!.. Прямо такая небрежность во всем... Семен! Семен!

— Что, лапушка? — спрашивает входя лапушкин муж.

— Ну хоть ты скажи ему... Ну зачем мы тогда весь ремонт делали?

У Генки от напряжения и неудобной позы начинают дрожать руки, лоб покрывается потом. Да еще эти шепчутся внизу:

— Прямо какое-то издевательство, — не унимается лапушка. — Почему-то не присылают настоящего мастера, а обязательно мальчишку.

Гена в сердцах делает резкое движение, ключ срывается с гайки, ранит руку, и парень, не удержавшись, летит на пол.

Он тут же вскакивает, держась за руку.

— Уж починили? — предельно вежливо спрашивает хозяйка.

Гена заматывает ладонь носовым платком и затягивает узел зубами:

— Починил...

И вот уже чьи-то руки разматывают платок с Генкиной ладони. Движения осторожные и уверенные.

Это пожилой врач в хирургическом кабинете. Гена чуть-чуть морщится.

— Так, — говорит хирург и зовет негромко: — Булатова!

— Слушаю, Илья Захарыч.

Какой знакомый голос... Гена оборачивается. Она! Только теперь на ней белый халат, и это, пожалуй, даже красивей, что волосы убраны под белоснежную шапочку.

И она узнает его. И поэтому, наверное, не слышит, что ей говорит хирург.

— Вы меня поняли? — спрашивает он.

— Да, — спохватывается Таня, — обработать рану риванолем и повязку с мазью Вишневского...— и берет Генкину руку.

— И укол против столбняка...

— «И укол против столбняка»,— как эхо повторяет девушка.

Гена искоса наблюдает, как Таня забинтовывает руку.

— Спустите штаны! — холодно командует она, набирая в шприц сыворотку. — Ну?

— Не буду! — заявляет Гена категорически.

Оба не знают, как себя вести дальше.

— Что здесь происходит? —интересуется хирург.

— Он не дается... боится, наверно...

— Чего «боится»? — возражает Гена. — В руку — пожалуйста.

— А нас учили не в руку!

Илья Захарович прячет улыбку.

— Можно и в руку.

Видимо, Генке больно, он морщится.

— Не напрягайтесь! — строго говорит Таня, скрывая волнение.

— Я не напрягаюсь.

Укол дается с трудом, и Таня повторяет:

— Не напрягайтесь!

— Да я не напрягаюсь!

Неизвестно, кому было труднее, но только Таня еле дошла до инструментария.

— Ну, где ваш больной? — спрашивает ее хирург.

— Ушел...

— А как его зовут?

Таня аж вспыхивает вся.

— А я с ним незнакома совсем.

— Но в карточку вы его должны были записать?

— Я забыла...

— А на перевязки назначить тоже забыли?

— Тоже.

— Так что же вы стоите, догоняйте!!

Мигом лицо Тани меняется, и даже радость успевает прочесть хирург в ее глазах.

А Таня уже в коридоре. Но Генки и там нет.

В больничном садике — тоже...

И только в конце улочки Таня видит его удаляющуюся фигуру.

— Больной! — кричит она.— Больной!!!

Гена продолжает свой путь, но зато несколько старичков тут же оборачиваются на этот привычный для них возглас.

— Больной! — снова кричит Таня и бросается вдогонку. — Больной!!

Запыхавшись от бега, она догоняет Гену и дергает его за рукав.

— Я вам кричу: «Больной! Больной!» — а вы как будто не слышите. Как вас зовут?

Гена расплывается в улыбке, протягивает руку.

— Гена. А вас?

— Я не в этом смысле... Фамилия, имя, отчество? Год рождения?

— Сохненко, Геннадий Викторович, тысяча девятьсот сорок третьего...

— Придете в среду на перевязку.

Они разошлись в разные стороны, но через несколько шагов Таня окликает его:

— Больной!

Снова оборачиваются старички, но на этот раз и Гена оборачивается.

— Больной, а вам бюллетень не нужен?

— Не-а, — весело отвечает Гена и лихо взмахивает забинтованной рукой. — Я же вполне здоровый!

Мотоцикл пять раз привычно чихнул, и Васька, разогнувшись, провел масляной рукой по вспотевшему лбу.

Он окинул бездушную машину взглядом, полным любви и печали, вздохнул, произнес:

— Свечу забросало! — и пошел в свой двор.

Тотчас у мотоцикла появился Петька. Он оглядел Васькину свиту и спросил всех и никого в частности:

— А слабо́ сесть?

— Он тебе сядет, — мрачно предупредил мальчик в очках.

Петька на всякий случай поглядел на Васькины ворота и перекинул ногу через седло.

— А слабо́ крутануть? — снова спросил он, бледный от страха и гордости.

— Он тебе крутанет! — сказал тот же мальчик в очках, мучительно желая в душе, чтобы Петька крутанул.

И Петька крутанул... Крутанул всего только один раз... один раз!.. И произошло чудо.

Что-то хлопнуло под Петькой, затрещало, взревело, и Петька, окутанный дымом, затрясся и стал удаляться. Он уже не в силах был расстаться с мотоциклом, к которому так неожиданно вернулась жизнь.

Почти тотчас из ворот показался Васька с насосом. Он поглядел туда, где стоял его мотоцикл, но машины на месте не было.

Васькины глаза округлились, он увидел похитителя уже в конце улицы, услышал далекий треск и бросился в погоню.

— Стой! — кричал Васька, сокращая дистанцию. — Слышишь, голову оторву! Стой!

Погоня промчалась мимо Гены, возвращавшегося домой, и он, не раздумывая, присоединился к ней, чтобы защитить Петьку от Васькиного гнева.

Конопляностый и Гена почти догнали Петьку, он трясся впереди них в каких-нибудь семи метрах, но мотоцикл к этому времени, пересекая чей-то двор, развил такую скорость, которая была предельной для преследователей.

— Голову оторву, стой! — негромко вскрикивал Васька, не в силах придумать нового наказания. — Дай тормоз!

— А я знаю, где твой тормоз?! — Петька подпрыгивал на седле, отчаянно вцепившись в руль.

Дороги для него не существовало. Он пересекал канавы, проезжал сложные лабиринты проходных дворов, срывая веревки с мокрым бельем.

— Ну погоди! Ну погоди!.. — шептал на бегу обессиленный Васька.

Мотоцикл съехал по лестнице. Васька сбежал следом и, собравшись с духом, крикнул в последний раз неистово:

— Глуши мотор!!

— Сейчас, — покорно ответил Петька. Он нажал наугад на что-то, от чего мотоцикл взревел, рванулся и мгновенно исчез за углом.

— Ну, гад! — только и сказал Конопляностый и двинулся вперед уже шагом.

Генка и он обогнули угол и увидели мотоцикл. Он стоял среди строительного мусора у неоконченного нового дома.

Стоял тихий, заглохший и остывал, а невдалеке, на безопасном расстоянии, стоял готовый ко всему Петька.

Сначала Васька кинулся к мотоциклу, затем двинулся на Петьку.

Петька понял: сейчас ему начнут отрывать голову, и втянул ее поглубже в плечи.

Васька надвинулся вплотную.

Но тут на его пути вырос Гена.

— Не тронь ребенка! — спокойно сказал он и поправил забинтованной рукой сумку с инструментом.

Вчера еще мальчик, сегодня он ощущал себя солидным рабочим человеком, и Васька отступил.

— Ребенка!.. — по-кухонному передразнил Конопляностый. — А если б тот ребенок мне машину разбил?

— А я разбил?..

«Разбил», «разбил»... — снова передразнил Васька. — Твое счастье, что не разбил.— И он, сохраняя достоинство, отошел к мотоциклу.

Теперь он не сомневался, что разогретая машина заведется сразу.

Он не спеша надел мотоциклетные очки, перчатки и, взявшись за руль, профессионально крутанул заводную ручку. Но... мотоцикл привычно ответил хозяину пятикратным чиханьем.

Второй раз крутанул Конопляностый, и снова только пять чихов. Васька безрезультатно дрыгнул ногой еще несколько раз и обернулся к Петьке.

— Ты чего здесь крутил?

— Ничего я не крутил, — обиделся Петька,— я сел, он поехал.

— «Поехал»... А чего же он подо мной не едет?

— А я знаю?

— А ну иди сюда... Ну иди, не трону.

Петька подошел. Он мало верил Ваське, но Гена стоял рядом, готовый заступиться.

— Ну, подошел...— хмуро произнес Петька.

— Показывай, чего делал, — приказал Конопляностый.

Петька поглядел на Гену, как бы спрашивая — показывать?

И Гена кивнул — дескать, показывай!

— Ну, я вот так вот подошел...— сказал Петя и взялся за руль.— Так вот сел... и вот это крутнул. — Он показал на заводную ручку, но прикоснуться к ней не решился.

— Крути! — приказал Конопляностый, веря в повторное чудо.

Но Петька не захотел его совершить.

— Пойдем, Гена,— сказал он, окончательно осмелев.— Один раз завел, и хватит!

Васька некоторое время тупо глядел им вслед, а затем, безнадежно махнув рукой, крутанул ручку. Мотоцикл только чихнул.

Часы в комнате Сохненко пробили час, и Генка стал есть вдвое быстрее.

Мать кормит его, и в том, как она это делает, — любовь и уважение к своему «рабочему человеку».

Подав все, мать усаживается напротив, отнимает газету, в которую, жуя, уставился сын, и спрашивает:

— Рука-то болит?

Генка отрицательно мотает головой и снова подтягивает к себе газету.

— И совсем один-один работаешь? — спрашивает мать.

Гена кивает.

— Картошки добавить?

Гена кивает.

— А Максим Петрович-то... он надолго захворал?

Генка пожимает плечами.

— А кто ж за ним ходит?

— А никто. Я ему книжку сменил.

— Книжку, — вздыхает мать и встает,— ему б сготовить чего... Живет-то он где?

— Старый тупик, семь, квартира три.

Мать выходит на кухню налить сыну чаю. Повторяет:

— Старый тупик, семь, квартира три...

Она едва успевает налить стакан, как в кухню, гремя железом, залетает Генка. Он уже в кепке.

— А чай?— восклицает Мария Ефимовна.

— Некогда... Пошел!— и, хлопнув на стол перед матерью газету, добавил с гордой небрежностью:— Читай! Вся газета про меня!

Еще секунда, и в кухне одна Мария Ефимовна... Мать, да невыпитый чай, да газета, в которой что-то написано про ее беспокойного сына.

Таня легко сбегает со ступеней подъезда больницы, но внизу чуть не спотыкается. Она видит своего «больного».

Для чего он здесь? Из-за нее или просто случайно — понять трудно, и Таня проходит мимо с независимым видом. Но Танины ноги (совсем помимо ее воли) описывают дугу, и она оказывается прямо перед Генкой.

— Что, опять болит?

— Нет,— отвечает Гена, но, испугавшись, что девушка тотчас уйдет, добавляет: — Не очень...

— Вот видите...— Таня достает из кармана бинт.— Надо вот так.— И больная рука повисла на удобной петле.

— Так лучше,— говорит он, чтобы сделать Тане приятное.

— Вы живете здесь?— строго осведомляется Таня.

— Нет, на Соломинке.

— Я вас провожу,— говорит она, но, чтобы это не было истолковано как-нибудь иначе, строго добавляет: — Идемте, больной!

— Максим Петрович здесь живет?

— Здесь...

— Соседки крайне заинтригованы. К Максиму Петровичу редко кто ходит, тем более женщины.— Вторая дверь налево.

Мария Ефимовна стучит и, не получив ответа, намеревается открыть дверь, но в ту же секунду дверь распахивается и из комнаты выходит женщина-врач. Она торопится. У нее еще много больных.

— Очень хорошо, что я вас застала,— говорит она Марии Ефимовне, не сомневаясь, что перед ней родственница Максима Петровича.— Подержите, пожалуйста!

Мария Ефимовна беспрекословно подхватывает докторский чемоданчик и держит, пока врач, надевая пальто, дает ей указания.

— Больной ваш очень запущенный! Очень. Я там написала рецепты, закажете лекарства, будете давать. Потом сдадите анализы и придете ко мне.

Мария Ефимовна попыталась робко вставить, что она к Максиму Петровичу имеет крайне отдаленное отношение, но докторша ничего не слушает.

— Теперь вот... Живете вы в новом доме,

а окна у вас совершенно закупорены. Вы дышите сплошными микробами. Вы так его загубите совсем!.. Проветривайте в обязательном порядке и не бойтесь свежего воздуха... Он у вас выпивает?! — неожиданно спросила строгая врачиха.

Но когда Мария Ефимовна снова попыталась сказать, что она, по сути, здесь посторонняя, врачиха перебила ее:

— Исключить категорически, мы сейчас с этим особенно боремся, особенно!.. Так... Я вам завтра пришлю сестру... — Доктор достала папироску. — У вас нет спичечки?.. Ну ладно, я там закурю... Завтра я пришлю сестру, — выкрикнула она уже с порога. — До свиданья!

Мария Ефимовна только усмехнулась и снова постучалась к Максиму Петровичу.

— Здравствуйте, — сказала она входя.

— Здравствуйте, — ответил голос мастера. — Я сейчас, только рубашку надену.

— Ой, да ничего, ничего. Я не смотрю. Вы чего ж это, болеете?

— Да вот, так получается...

Не поворачиваясь к больному, Мария Ефимовна останавливается перед клеткой с щеглами.

— Птицами увлекаетесь...

— Животное, — отозвался Максим Петрович.

— А мне вот за вас попало, — сказала Мария Ефимовна с шутливой строгостью, — что закупоренный лежите, микробами дышите. — И она распахнула окно.

— Ну вот, теперь можно глядеть, — Максим Петрович освобождает ей табуретку рядом с постелью.

Мария Ефимовна присаживается.

— Вот вам Гена книжку сменил. А для начала моего лекарства попробуйте.

— Грыб, — узнает мастер и умиляется. — Забота о человеке!

— А как же, — скромно ответила Мария Ефимовна.

— Мой дом! — Генка останавливается у ворот и поправляет забинтованную руку.

— Ну, до свиданья, больной, — говорит Таня, но уходить не торопится.

— Вообще-то меня зовут Гена.

— Таня, — снисходит девушка и первая протягивает руку.

Теперь они знакомы, и на Гену ложится ответственность за продолжение разговора.

— А вон моя голубятня, — говорит он.

— А я это знаю, — улыбается Таня, невольно вспоминая солнечного зайчика.

— Хочешь посмотреть?

— А можно?

— А чего ж!

И тут же забыта больная рука. Мгновение — и Генка на крыше сарайчика, секунда — и Таня рядом, втянутая его рукой. Короткая лесенка, и перед Таней распахивается сетчатая дверь.

Яркое солнце догоняет их уже внутри и покрывает обоих легкой ажурной сетчатой

тенью. Клетчатыми становятся и платье девушки и руки ее.

Она запыхалась от подъема.

— Вот так больной!

— Уже зажило! — весело отмахивается Генка.— Высоко?

Таня кивает.

— А где же голуби? — спрашивает она.

— Сейчас! — говорит он торжественно и исчезает за маленькой дверцей.

И тут же к Тане начинают выходить голуби.

Она стоит среди них стройная, вся в солнечных квадратиках.

...Гена опускается у ее ног и упирает подбородок в колени.

А вокруг них ходят, воркуют, молотят клювами по доскам его голуби.

— Вот это «Шпанцырь». Это отец... А это мать... А вот эти... эти их дети.

— Дети?

— Да...

— Смотри,— Таня впервые называет Генку на «ты»,— смотри, он ее бьет.

— Ревнует, — спокойно поясняет Гена.

Таня поражена.

— А разве голуби тоже ревнуют?

— А как же... А у этих... смотри, видишь, вдвоем ходят, у них осенью дети будут.

— А ты так уж все знаешь?

— Ну, не все, конечно... Ты садись, чего стоишь.

Таня садится рядом, точно так же, как

Генка, уперев подбородок в колени. Так они сидят и молчат.

Ходят вокруг голуби, стучат клювами.

— А зачем они тебе? — почти шепотом спрашивает Таня.

— Голуби? — удивляется Гена. — Ну как зачем? Ну, чтоб летали...

— А зачем?

— Зачем?! — снова удивляется Гена. — Да просто так.

Он распахивает широкую раму нагула. Так она скорее поймет, что такое голуби!

Генка взбирается на самый гребень крыши. Здесь он почти рядом с ослепительным солнцем!.. И удивительный его посвист поднимает ввысь голубиную стаю.

Голуби ходят широкими кругами, то четкими силуэтами чернея на белых облаках, то легким сквозным пухом проносясь по голубому небу. Генкины голуби! Генкина юность! Генкина любовь!

— А ты говоришь — зачем... Хорошо?

— Очень, — тихо говорит Таня.

— Вот погоди, — Гена упрямо щурится в небо. — Погоди, и я когда-нибудь так...

— Как?

Он посмотрел на Таню и неожиданно ступил на шаткую дощечку, чудом державшуюся над бездной улицы.

— Ну вот, что отсюда видать? Ну, конец улицы, ну, край города, а дальше что?

— Край света, — испуганно улыбнулась Таня.

— А какой он? Как туда попасть?!

Тане было не до ответа, лишь бы он не свалился.

— Ну, как все люди,— скороговоркой произнесла она.— Ну, в райком комсомола... Комсомольскую путевку... Ой, ты же так упадешь... Прямо не знаю, какой-то!

— А кто мне ее даст?— перебил Гена.— Люди — комсомольцы, а я нет.

— Как?— удивилась Таня.

— Ну так... Не захотел раньше, и все, по дурости...

— И до сих пор не поумнел?

— Поумнел, да года вышли...

И, видимо, для укрепления за собой репутации человека в годах, он при помощи четырех пальцев, засунутых в рот, извлек такой свист, что у Тани померкло в глазах.

— Конечно, без отца какое воспитание!— говорит Максим Петрович.

Это продолжается беседа в комнате больного мастера. Беседа о жизни, о семье, о прошлом, настоящем, будущем.

— А какой человек был!— вспоминает Мария Ефимовна покойного мужа.— Что на работе, что дома... А меня как жалел, вы б знали...

— Так это ясно...

— Я чего спросить хотела,— Мария Ефимовна передает Максиму Петровичу газету.— Гена говорит, про него здесь написано. Уж я всю проискала — не нашла нашей фамилии, Сохненко. Или соврал он?

Максим Петрович развернул газету. Пошевелил губами, про себя читая заголовки, и сказал:

— Правильно. Фамилии нет.

— Это надо ж...— подосадовала Мария Ефимовна на сына.

Но Максим Петрович перебил ее.

— Фамилии, правильно, нет. А газета про нас, про химиков.

Максим Петрович водил глазами по листу, приговаривая:

— Про нас... про химическую промышленность... Про газификацию... Про нас, в общем...

Он отложил на одеяло газету.

— Не врет Гена, нам почет и по этому поводу...

Максим Петрович, как фокусник, извлекает откуда-то начатую бутылку водки!

— Дайте-ка там стаканчик.

Но Мария Ефимовна неожиданно решает по-своему:

— Хватит, больше не надо.

— Пожалуйста,— охотно соглашается он.— Сказали: хватит, и все, и не буду... А другой раз ведь некому... Я говорю, так вот сказать, другой раз некому... Приходишь домой — один, уходишь — один... Ну и, конечно, позволяешь...

— А семью завести?— спрашивает Мария Ефимовна.

— Так ведь это сперва человека встретить надо. Вы вон в другой раз не схотели.

— Я... Я отца Геночкиного, покойника,

сильно любила, все ждала, вот вернется, вот вернется... Любила сильно.

— Тоже причина... — соглашается мастер.— Я вот говорю вашему Гене: книга, говорю, энциклопедия — умная. А ведь про это ничего не написано. К примеру сказать, за что любят? Другие говорят, за красоту...

Мария Ефимовна усмехнулась.

— Не знаю, красивой вроде никогда не была.

— Ну, это еще неизвестно, — возразил мастер, — это на чей вкус.

— Ой... известно...

— Ну, не знаю. А мне, к примеру, красота без интереса, а вот душу дай. Ну, там души, говорят, нет — сердце дай.

— Да, уж без сердца лучше не жить! — соглашается Мария Ефимовна.

— Лучше не жить! — вторит Максим Петрович. — А с сердцем он и муж и отец вашему сыну, не смотри, что чужой. Сегодня — чужой, а завтра — свой.— Он потянулся к спинке кровати, где висел бинокль. Усмехнулся:— Вон, как в бинокле: с одной стороны посмотришь — далеко, а с другой — близко.

— Далеко...— тихо вздохнула Мария Ефимовна и, чтоб переменить тему, спросила: — Это чего ж теперь по радио?

Максим Петрович прибавляет звук. Говорит диктор:

— ...Постарайтесь запомнить мелодию запева песни, ее исполнит виолончель...

— И мне пора собираться...— вздохнув произносит Генкина мать.

Вступает виолончель. Глубокие, красивые, вечерние звуки плывут по комнате, растворяясь в закатном луче из окна. И что-то грустное и теплое светится в глазах больного мастера, когда он следит за женщиной, которая сейчас должна уйти.

Собравшись, она подходит к койке. Взгляд ее останавливается на четвертинке.

— Не буду, все! — почти клятвенно произносит Максим Петрович. — Вы не забывайте, заходите.

Мария Ефимовна кивает.

— Гене привет! — говорит уже вдогонку ей Максим Петрович.

— Спасибо! — отвечает она, на секунду задержавшись на пороге, и закрывает за собой дверь.

Смолкает виолончель.

Максим Петрович откидывается на подушки и счастливо закрывает глаза. Голос диктора произносит:

— А теперь прослушайте эту же мелодию в исполнении всего оркестра!

Вступает оркестр.

И снова, как обычно, идут по квартирам старый мастер и Гена Сохненко.

Спорится работа в умных руках паренька, и, кажется, ничего не изменилось в отношениях мастера и стажера. Но неожиданно в одной из квартир Максим Петрович подвергся серьезному испытанию: благодарная хозяйка положила на плиту перед мастером

десять рублей, а сама вышла в коридор показать Гене счетчик.

Максим Петрович остался наедине со взяткой. Он мог свободно взять ее, но что-то внутри, надо полагать совесть, мешало ему.

Решительно отвернувшись от соблазна, мастер собирал инструмент... Но десятка тянула его к себе, и он, покрутившись рядом, наконец не выдержал и, повинуясь проклятой привычке, все-таки сунул ее в карман.

В коридор он вышел мрачный и насупленный.

И вдруг здесь, на глазах у Генки, произошло маленькое, но такое дорогое чудо — Максим Петрович протянул хозяйке десятку и произнес сурово:

— Чего ж вы деньги по кухне раскидываете? Ваши? Прокидаетесь так! Где у вас тут выход?!

Мастер первым вышел на солнечную улицу. И хотя на душе у него было удивительно светло, он все еще старался не встречаться с Генкиными лукавыми глазами и казался крайне рассерженным.

Гена первый окликнул его:

— Максим Петрович, а вам премия полагается за сознательность... Билет в наш клуб, на вечер передовиков, пойдете?

— А почему один? — для виду обиделся мастер. — Что я, не человек, что ли?

— Виноват, исправлюсь,— то ли в шутку, то ли всерьез сказал Гена и, дав мастеру второй билет, произнес со значением: — Человеку!

Гена подходит к Таниному дому.

По двору кружит на мотоцикле Конопляностый.

Мотор по-прежнему не работает, машину подталкивают ребятишки.

Гена смотрит на Танины окна и, решившись наконец, ступает в Танин подъезд.

На звонок спешит Танина мать.

— Кто там?

— Киевгаз.

На пороге — Гена.

— А у нас горит. Все в порядке.

— В порядке? — Гена смущен ровно секунду.— Все равно,— говорит он,— проверить надо.

Коридором проходит он на кухню. За ним неотступно следует Танина мать.

Потрогав плиты и поглядев на счетчик, он снова выходит в коридор. Ему до смерти необходимо увидеть Таню.

Он заглядывает в одну из дверей, но ее захлопывают перед его носом.

— Здесь наша семья живет, — сообщает Танина мать.

Гена уже готов отказаться от поисков Тани. Выходит на лестничную площадку, и здесь его окликает Танина мать.

— Товарищ мастер! Скажите, товарищ мастер, — она смотрит прямо в Генкины глаза, — вам очень нужна моя дочь?

— Какая дочь? — неловко хитрит Гена.

— У меня одна дочь — Таня. Вам ведь она нужна?

И Гена вынужден признаться:
— Она!

...Очень трудно выслушивать сердце у человека, который хихикает. А Танин дедушка хихикает все время — он читает смешную книжку.

— Дедушка, ты мне мешаешь заниматься, — строго говорит Таня и прикладывает фолендоскоп к тельняшке, которую дед по традиции не снимает никогда.

Но тут входит крайне взволнованная мама.

— Таня, — говорит мама, — там, очевидно, к тебе. Только товарищ не нашел нужным назвать себя.

Таня пожимает плечами и выбегает на лестничную площадку.

...Дверь остается полуоткрытой, и взволнованная Танина мать находит всякие дела в коридоре, чтобы краем глаза видеть, что делается на площадке. Для нее это как пантомима: она все видит, но ничего не слышит.

Юноша, видимо, торопится, он смотрит на часы, показывает Тане какие-то синие бумажки, после чего та тоже смотрит на часы. Затем берет ладонь юноши, внимательно разглядывает ее и шевелит губами.

«Гадает она, что ли?» — недоумевает Ольга Ивановна.

Потом юноша говорит что-то такое, отчего оба хохочут так громко, что Таня шутливо

пугается и прикрывает дверь, лишая Ольгу Ивановну даже пантомимы.

Максим Петрович стоит лицом к окну. Он в новом темном костюме, говорит, не оборачиваясь:

— Купил за три рубля справочник по обмену жилплощади... Так есть такие, что меняют отдельную квартиру на две комнаты в разных районах...

— Вы не оборачивайтесь, — произносит голос Марии Ефимовны.

— Я не оборачиваюсь... Интересно это выходит — так друг другу досадили, что в одном районе ужиться не могут! А есть такие, что, наоборот, в меньшую поедут, лишь бы вместе. Интересная книжка, тоненькая такая... три рубля.

Максим Петрович вздыхает, понимая тех, кто согласен на меньшую, и говорит, продолжая глядеть в окно:

— Можно считать уж осень, похолодает скоро...

— Ну, пойдемте?.. — произносит Мария Ефимовна.

Максим Петрович оборачивается и видит ее.

Генина мать переоделась и, как сказочная Царевна-Лягушка, сменившая шкурку, стала совсем иной. На ней милое, скромное, идущее к ней платье-костюм. И волосы причесаны просто, но очень красиво. И все вместе так ладно, что от неожиданного эффекта оба немного теряются.

— Что вы сказали? — чтоб разрядить неловкость, спрашивает Мария Ефимовна.

— Я говорю — осень, — голос у Максима Петровича сел. — Похолодает, говорю, скоро.

— Ну, еще не скоро! — мягко возражает Мария Ефимовна, легким движением поправляя свои красивые волосы. — Еще бабье лето впереди.

На контроле Максим Петрович пропустил Марию Ефимовну вперед и дал надорвать билеты.

В фойе Дворца культуры много знакомых. С любопытством разглядывая даму Максима Петровича, они здороваются с ним. Он с достоинством отвечает на приветствия, одновременно гордясь и тяготясь своим положением кавалера.

Они проходят в зал. Садятся на места.

Во всем, что сейчас делает Максим Петрович, чувствуется какая-то особенная торжественность. Да и Мария Ефимовна выглядит в этот вечер как-то особенно: она помолодела и даже похорошела. Она грациозна при своей полноте и, что совершенно безусловно, очень женственна.

— Сейчас начнут! — говорит Максим Петрович, пряча именные часы.

Раздается звонок, и начинает гаснуть свет.

И тут Мария Ефимовна неожиданно видит сына. Он быстро идет по проходу с какой-то незнакомой ей стройной девушкой.

Впервые мать видит сына с девушкой, и ревность, такая естественная у матерей, тянет ее посмотреть на его спутницу. Но Таня с Геной усаживаются где-то в первых рядах, к тому же на освещенную уже сцену выходит юноша:

— Начинаем вечер отдыха газификаторов-передовиков. Собственные стихи прочтет наш поэт — бригадир комсомольской...

Он не договорил. Бархат за его спиной заволновался, и ему пришлось сунуть голову за занавес:

— Что там у вас?

— Осип... — ответили шепотом.

— Кто?

— «Кто», «кто», поэт...

— Простите, товарищи. Минутку, — извинился юноша-конферансье и исчез за занавесом.

...Потерявший голос поэт сидел в кулисах, когда к нему подбежал конферансье.

— Что такое?!

Поэт выразительно помахал руками, дескать, его дело — труба.

— Кто у нас вторым номером? — военным голосом спросил конферансье.

— Я... «вальс-чечетка»...

Конферансье быстро оглядел симпатичного долговязого паренька и категорически приказал:

— Прочтешь вначале стихи.

— Я?! — испугался «вальс-чечетка».

— Ты. Можешь читать прямо с листа, — и, обращаясь к поэту, скомандовал: — Текст!

— Товарищи! — произнес конферансье, вернувшись. — Стихи Евгения Синькова из-за болезни автора, прочтет слесарь шестой райконторы Василий Печура.

Занавес раздвинулся, и на авансцену, улыбаясь в зал, вышел баянист со своим стулом.

Ему махали из правой кулисы, объясняя, что «сначала музыки не надо», что «сначала пойдут стихи».

Баянист с радостной готовностью покивал в ответ и, ничего не поняв, развернул баян переборчатым вступлением к вальсу.

...Печура тотчас, как боевой конь, услышавший трубу, поправил ремень и изготовился на выход. В следующую секунду он уже удалялся на освещенную сцену, как мячик, подпрыгивая в такт музыке.

Закончив первое колено, он неожиданно для всех остановился, кашлянул и глянул в кулисы, где для него на черной доске мелом было написано первое четверостишие:

Я не устал, не перестал
Мечтать, работать, веселиться!
Мне даже по ночам не спится,
Таким я беспокойным стал!

И я завидую себе!
Рукам своим, своей судьбе;
Тому, что я такой обычный,
Что молод я, а мне давно
Любые трудности привычны!

Читал Вася громко и вдохновенно, а прервавшись, поймал такт и снова пошел дробить свой вальс-чечетку.

Мне сердцем право не дано
Спокойно жить, молчать, не думать,
Бояться звона, грома, шума!
Я не устал в горячке буден,
И отдыхать мне не пора!
Ведь впереди я вижу, люди,
Работы непочатый край!

Меня ждет в недрах аномалий,
Еще не найденный металл,
И я еще не покорял
Сердитых рек в сибирских далях...
Нет! Я сегодня не устал!

Сочетание музыки, стиха и танца родило такой озорной, такой удивительно молодой и оптимистический номер, что, когда, закончив последнее колено, Вася Печура «вбил» лихую точку, зал наградил паренька громовыми аплодисментами.

— Наше кончал, седьмое ремесленное, — сообщил Генка Тане.

...За закрытым занавесом, на сцене, поэт обнимал танцора. А перед зрителями снова появился очень довольный конферансье.

— Товарищи! Сегодня драматический коллектив нашего треста покажет вам отдельные сцены, или, вернее сказать, отрывки из трагедии английского писателя Шекспира «Ромео и Джульетта». Роль Ромео исполняет

электромонтер центральной конторы Евгений Онуфриев, роль Джульетты — диспетчер райконторы Ольга Наровчатова. Действие происходит в итальянском городе Вероне тристачетыреста лет назад. Руководитель нашего драмколлектива — бывшая артистка театра МХАТ Роза Ивановна Карпова тире Савельева.

Из первого ряда поднялась и раскланялась перед залом строгая седая, завитая старуха с пуховой брошью на обширном бюсте.

Раздвигается занавес.

Сцена изображает сад Капулетти, воздвигнутый в пределах скромных средств, выделенных профсоюзом. Пожилой пианист у правой кулисы ударяет по клавиатуре.

Увертюра.

На балконе — Джульетта. От волнения у нее сел голос. Внизу, около лестницы-стремянки, — Ромео.

Джульетта. Как ты сюда пробрался? Для чего? Ограда высока и неприступна. Тебе здесь — неминуемая смерть, когда тебя найдут мои родные.

Ромео. Меня перенесла сюда любовь, ее не останавливают стены. В нужде она решается на все. И потому — что мне твои родные?

Максим Петрович, наклонившись к Марии Ефимовне, шепнул:

— По его выходит, на родных наплевать...

Мария Ефимовна согласно кивнула.

Строгая Карпова-Савельева грозно оглянулась на шепот и сделала строгое лицо.

— Тс-с-с!!

А на сцене клялись. Ромео, забравшись на вершину зыбкой стремянки, протягивал руки к Джульетте.

Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев...

Джульетта. О, не клянись луною, в месяц раз меняющейся, — это путь к изменам.

Ромео. Так чем мне клясться?

Джульетта. Не клянись ничем или клянись собой, как высшим благом, которого достаточно для клятв...

Ромео. Клянусь, мой друг, когда бы это сердце...

Таня как завороженная смотрит на сцену

Полуоткрытые губы ее чуть шевелятся беззвучно повторяя прекрасные слова. Лишь на секунду она скашивает глаза и встречается взглядом с недовольным Геной.

— Чего ты? — испуганно спрашивает она.

— Да ну... — пренебрежительно шепчет Гена.— «Клянусь», «клянусь», «люблю», «люблю»... А чего об этом вслух... Об этом молчать надо.

— Он объясняется, ясно? — И в голосе Тани обида за Ромео.— А потом, если он молчать будет, как она поймет?

— Ничего, — уверенно говорит Гена, — если она человек — поймет.

Разгневанная руководительница снова обернулась и прошептала театральным шепотом:

— Если вас не волнует Шекспир, я позову милиционера!

А на сцене Ромео уже было слез со стремянки, когда... Джульетта окликает его:

— Еще два слова. Если ты, Ромео, решил на мне жениться не шутя, дай завтра знать, когда и где венчанье. С утра к тебе придет мой человек узнать на этот счет твое решенье. Я все добро сложу к твоим ногам и за тобой последую повсюду...

Мария Ефимовна скептически поджимает губы.

— И Генке моему так вот тоже какая-нибудь скажет, а он уж и готов, растаял... — Глаза ее повлажнели, губы задрожали. — И мать забудет, — она всхлипнула, — и из дому уйдет! — Всхлипнула еще раз и прикрылась платочком.

Руководительница снова обернулась, но, увидев плачущую женщину, отнесла ее слезы за счет Шекспира и победоносно улыбнулась.

Занавес закрылся.

Все захлопали. Зажегся свет, и Ромео с Джульеттой, радостные, смущенные и вспотевшие, кланялись и хлопали руководительнице, а она, прижимая красивые руки к пудовой броши, хлопала им.

Духовой оркестр в фойе грянул вальс,

и началось традиционное круговое движение по залу. Пары двигаются, разглядывая друг друга.

Пожилые стоят у стенок.

Мария Ефимовна, не слушая Максима Петровича, глазами ищет в толпе сына.

Вот и он! Идет рядом с девушкой, смотрит на нее, слушает ее, отвечает ей что-то.

Вот они проходят мимо матери. Совсем рядом... Прошли...

— Какая женщина чудна́я,— тихо говорит Таня, — чего-то все смотрит на меня...

А Мария Ефимовна, проводив их взглядом, вздохнула.

— Нет, не нравится она мне.

— Да, — поспешил согласиться Максим Петрович. — Да...

А ребята тем временем описали круг.

— Ой, Гена, она опять смотрит!

— Это моя мама,— коротко отвечает Гена.

И тогда Таня первая поклонилась Генкиной матери:

— Здравствуйте!

Одно только это слово и улыбка, а Генкина мать уже услышала в Танином «здравствуйте» и почтение и ласку. И сразу же, обезоруженная, ответила:

— Здравствуй, детка!

Поток снова унес ребят в другой конец фойе.

А мать, глядя им вслед, снова вздыхает, но теперь по-другому:

— Нет, она ничего все-таки... Все-таки вежливая.

— Да, — опять спешит согласиться с ней Максим Петрович. — Да!

Вальс кончился громовым ударом тарелок.

В узком промежутке между сараем и забором происходит нечто таинственное и чрезвычайное. «Секретными» работами под руководством Петьки заняты трое его сверстников.

Конечно, когда Таня подошла и, даже заглянув за сарай, увидела какую-то ржавую трубу, она своим нетехническим женским умом не смогла понять, что здесь готовится к запуску космическая ракета.

Тем более, она не могла предположить, что до этого исторического момента остаются считанные минуты.

— Петя, — окликнула Таня, — позови-ка Гену!

— А где «пожалуйста»? — поинтересовался Петя, спиной загораживая груду пустых спичечных коробков, которая ясно указывала на состав горючей смеси межпланетного корабля.

— Ну, пожалуйста, — попросила Таня, — позови.

Но Петя уже передумал.

— Мне некогда, — сказал он.

Таня повела плечом и пошла к голубятне...

...А Петька, поглядев ей вслед, произнес не без ревности:

— Вот привязалась к человеку! — и, повернувшись к пацанам, скомандовал: — Готовьте к старту!

Если бы скульптор задумал создать группу под названием «Мальчик с голубем», он должен был бы вот сейчас, сию минуту посмотреть на Гену: юноша стоит на краю крыши, свободно облокотившись на угол голубятни, глаза устремлены вдаль, а на ладони — голубь. Птица вытягивает шею, склоняет головку на бок и бесстрашно берет зерна из полуоткрытых губ человека-друга.

Таким видит его Таня с земли и, полюбовавшись всего несколько секунд, строго окликает:

— Генка! Ты что, забыл, что ли? — и, не дожидаясь ответа, идет по улице.

Он догоняет ее, задевая прохожих, на ходу надевая пиджак. Пристраивается рядом.

— Молодых кормил,— виновато признается Гена.— Помнишь, рассказывал... Им уже недели по две...

— Честное слово, ты какой-то несерьезный.

Таня даже не смотрит на него.

— Почему несерьезный?

— Потому, что когда меня в комсомол принимали, я ночь не спала, готовилась, а ты наверняка спал.

— Спал, но зато мне международное положение всю ночь снилось.

Таня на всякий случай обиделась и посмотрела, не разыгрывает ли ее Гена. Но лицо у того было непроницаемым.

— Обязанности члена ВЛКСМ! — сухо спросила Таня.

— Пожалуйста: а) настойчиво овладевать знаниями, культурой...

Но договорить Генке не удалось. Внезапно за их спинами раздался грохот и свист. Быстро обернувшись, Генка увидел, как сначала из-за сарая на улицу вылетели перепачканные копотью «астронавты» с бледными лицами и отчаянными глазами, а затем, преследуя их, появилась «космическая ракета». Она медленно поднялась над сараем, несколько мгновений повисела в воздухе, как бы выбирая направление полета, и, наконец, плюхнулась на железную крышу и завертелась волчком с бешеной скоростью, рассыпая вокруг искры, как елочная шутиха.

Потом наступила недолгая тишина, и Гена тотчас узнал в замерзшей ракете верхнюю часть водосточной трубы, исчезнувшую с их дома неделю назад. Теперь на ней мелом было написано: «На Луну».

— Сейчас жахнет... — раздался в тишине вещий голос главного «астронавта» Петьки.

И в тот же миг большая водосточная труба взяла старт. Траектория ее оказалась короткой и ясной: скользнув по наклонной крыше сарая, она пересекла улицу и влетела в чердачное окно трехэтажного дома... Оттуда сейчас же повалил дым.

Таня даже не успела опомниться, как Генка бросился вперед и оказался на пожарной лестнице.

Он чуть задержался перед маленьким чердачным окном и, набрав воздух, нырнул головой прямо в дым.

На чердаке было темно и душно. Ело глаза, хотелось кашлять.

Раскаленная докрасна труба лежала на старой плюшевой кушетке. Кушеткины потроха уже начали тлеть.

Не раздумывая, Генка скинул свой парадный пиджак и, обернув им трубу, подтащил ее к слуховому окошку, сбросил вниз, бегом вернулся к горящей кушетке и пиджаком стал сбивать пламя.

Лопалась плюшевая обивка, летели искры, с жалобным звоном выскакивали пружины. Кушетка огрызалась, ей, видимо, хотелось сгореть дотла.

Когда через несколько минут к дому стали стремительно подлетать сверкающие медью красные пожарные машины, на крыше показался Генка.

Стараясь казаться спокойным, даже безразличным, он ступил на пожарную лестницу, которая любезно выдвинулась снизу к его ногам.

Он спускался вниз, навстречу восторженным жильцам, навстречу Тане, а вверх, мимо него, лезли пожарные в противогазах с уже ненужными топорами и шлангами.

— Ну, пошли... а то я опаздываю...

Гена сказал это вполне небрежно, но дыхание — сдержать его невозможно, но мокрый костюм, порванный во многих местах, но рубаха с разодранным воротом, измазанная в копоти?! А лицо! Таня осторожно отводит Генкину руку и обнаруживает под глазом добротный «фонарь». Этот «фонарь» так и светится радостью одержанной победы.

Из скромности победитель шмыгнул носом, откинув мокрый вихор со лба, и сказал как ни в чем не бывало:

— Да чего там разглядывать, пошли...

Неожиданно откуда-то вывернулся Петька, забежал сбоку, спросил не без гордости:

— Здорово летела?!

Но, тут же получив леща по загривку, молниеносно исчез, видимо, признав всю справедливость наказания.

— ...Это ж просто отметить надо, товарищ майор, в газетах или еще как... — такими словами закончил свой доклад пожарный.

— Невидный такой парнишка, а прямо герой! — поддержал пожарного милиционер.

— Ну, давайте его сюда!.. Как его фамилия?.. Где он?.. Давайте отметим, — согласился брандмайор.

— Сейчас! — козыряет милиционер и бросается в толпу.

Но Генки нигде нет.

Милиционер прорезает толпу насквозь и успевает увидеть своего героя в конце улицы.

— Я, пожалуй, побегу, — говорит Гена Тане.— А ты меня тогда внизу подождешь.

— Эй, гражданин! Эй! — кричит милиционер и тоже срывается на бег.

Генка летит, как ветер. Он и не подозревает, что за ним настоящая погоня.

К милиционеру присоединилось несколько добровольцев-любителей... Они обгоняют Таню,

Оглядываются пешеходы... Появились «очевидцы».

— Она с двумя детьми в кассе стоит, — смакуя, рассказывает один «очевидец». — А он, стервец, тут как тут. Деньги взял, сумку бросил и пожалуйста!

Летит по улицам Генка с синяком под глазом, мокрый, весь в копоти.

Лес поднятых рук. Комсомольское собрание голосует:

— Против нет, воздержавшихся нет. Единогласно. Садись, Климов, поздравляю.— Председательствующий откладывает одну анкету, берет другую.— Товарищи! На повестке дня последний вопрос: прием в комсомол Сохненко Геннадия Алексеевича. Поступило заявление...

— А где Сохненко? Сохненко здесь?

— Сохненко!

— Да нет его!

— Его и не было!

За столом президиума короткое замешательство:

— Закрывать? Не закрывать?

В зале услышали, заспорили:

— Товарищи! — крикнул кто-то, вскочив.— Чего мы с этим Сохненкой возимся, как не знаю с чем. Закрывай собрание! Я на тренировку опаздываю.

— А, может, он заболел?

— Так, — говорит председатель складывая анкеты. — На этом комсомольское собрание объявляю...

Все уже готовы встать, когда из коридора донесся нарастающий топот.

— ...закрытым, — по инерции договаривает председатель.

Но в ту же секунду с треском распахиваются обе створки двери. На пороге — Генка!

— Пожалуйста! — как бы демонстрируя Генкино разгильдяйство, указывает на него один из членов бюро. И ко всем: — Сядьте на минутку товарищи, а ты, Сохненко, пройди сюда.

Генка идет по проходу, и все видят его изодранный, измазанный костюм, синяк под глазом.

— Ты что ж думаешь, Сохненко, комсомол — это тетины именины, что ли? Захотел — пришел вовремя, захотел — опоздал. Так?

— Я... я... — пытается ответить Гена, но дыхание рвется. — Я...

— Да дайте человеку отдышаться!

— Отдышись, — говорит председатель.

Смолкает собрание, ожидая ответа...

Гена старательно дышит. Сейчас он скажет...

Но в это мгновение — снова топот по коридору и... на пороге вырос старшина милиции!

Секунду он оглядывает зал, вдруг радостно восклицает:

— Вот он! — и бросается к Генке.

— Ты чего ж?! Тебе свистят, а ты бежишь!

— Пожалуйста! — констатирует кто-то.

Ребята, повскакав с мест, кольцом обступают Гену и старшину милиции.

— Товарищи! — говорит милиционер срывающимся голосом. — Товарищи! Вы знаете, что он сейчас сделал?!

К подъезду подбегает Таня. Глядит вверх. В окнах силуэты комсомольцев... гул голосов... она входит в подъезд, пробегает по пустому коридору и останавливается около дверей.

Из темноты, в узкую светлую щель, ей видны затылки ребят, проход между рядами стульев, а в конце его — Гена и милиционер. Таня распахивает дверь.

— Товарищи! Можно мне слово, товарищи?..

Но ее перебили:

— Кто такая, откуда?

— Я — кто? — переспросила Таня.— Я... сестра...

— Товарищи, тихо! — объявил председатель. — Слово имеет сестра Сохненко.

— Да нет, — смутилась Таня. — Не его сестра, а медсестра.

— А ему кто? Жена, соседка, невеста?

— Последнее, — неожиданно тихо произносит Гена.

Таня не успела возразить, как председатель объявил:

— Поправочка, товарищи. Слово имеет невеста Сохненко.

— Товарищи! Вы меня совсем не знаете...— Таня покосилась на Гену. — А насчет невесты, это он преувеличил. Ну зачем ты преувеличил?! Но это не важно... Я только хочу ска-

зать, что вот он... И вот у него пиджак порван, и рубашка, и вон синяк под глазом, и вон милиционер почему-то, и вы все можете подумать, что это от чего-нибудь плохого... А я все видела... И он все знает, товарищи, и по международному и по уставу... Я сама проверяла. И он достойный, товарищи! Он вполне достойный!

Должно быть, настроение Тани передалось собранию, во всяком случае, женской его части, и девушка в третьем ряду, сверкая восторженными глазами, убежденно и громко прошептала подруге:

— Ой, да, конечно, невеста!

Мария Ефимовна глядела в бинокль на ночной город, когда в комнату вошла соседка.

— Тебе чего, Аня? — спросила Мария Ефимовна, не оборачиваясь, и вздохнула, усмехнувшись: — Вот так смотришь — близко, а так — далеко.

Соседка тоже неопределенно вздохнула и лениво поплыла к окну, не спеша тасуя истертые карты.

— Чего телевизор не глядишь? — спросила Мария Ефимовна.

— А чего интересного?.. Английский язык показывают... Давай, я те лучше погадаю. Чего было, чего будет, чего есть, скажу...

— Ой, делать тебе нечего, — рассмеялась Мария Ефимовна. — Не верю я, Аня, в карты твои.

Но Аня уже присела к столу, готовая ворожить. Тасовала, приговаривала:

— Ой, зря... Ефимовна, ой, зря... У меня ж, как в латереи: можить, автомобиль «Волга», а можить, и парфюмерный набор... Ну, на какого те короля?

Рассмеялась Мария Ефимовна:

— Да хоть на какого! Не верю я...

Но вдруг подумала о своем затаенном, прищурилась лукаво, тряхнула озорно головой.

— А ну, давай на трефонного!

Соседка подставила колоду.

— Сыми... — прикрикнула,— на себя сымать надо...

Мария Ефимовна неумело сняла полколоды, и соседку, как прорвало. Она раскидывала карты, беседовала с ними, отсчитывала, откладывала, упоенно пришептывала:

— Ну, негаданные, неигранные... три сюды, три сюды, а три на низок! Это что ж... это что ж... Это ж какой расклад...

Но вдруг соседка оцепенела, уставившись в карты, а затем подняла на Марию Ефимовну глаза, полные сочувственного ужаса.

— Кто он тебе?

— Никто...— тихо произнесла Мария Ефимовна, невольно пугаясь.

Соседка снова глянула на карты.

— Ой, Ефимовна, прямо не знаю, как сказать...

Согнутый палец ее коснулся трех карт пиковой масти, лежащих рядом: шестерки, восьмерки, девятки.

— Гроб ему выпадает, трефонному королю... Помирает он в настоящее время. — Вытянула губы и задолдонила дальше: — Ну, выпадает еще дальняя дорога... Известие через казенный интерес... Ну, что еще?.. Хлопоты... Ты гляди, Ефимовна, не отвлекайся, я еще раскину...

Соседка оглянулась.

Генкиной матери в комнате уже не было.

— Ефимовна, — позвала соседка, заглядывая в коридор. — Слышишь, Ефимовна!

А Мария Ефимовна в это время бежала по вечерней улице.

Бежала, расталкивая частых прохожих...

Бежала, едва накинув платочек...

Бежала так, как может бежать лишь женщина, когда ее любимому грозит опасность.

Она не помнила, как оказалась возле дома, где жил Максим Петрович,

как вбежала в парадное,

как миновала лестницу и пустой коридор.

В полуоткрытую дверь она вдруг увидела мастера, услыхала его голос и, внезапно ослабев, застыла на пороге.

Максим Петрович смеялся. Он мыл пол.

Стоял здоровый и невредимый перед клеткой со щеглом и, выжимая тряпку, заразительно хохотал, разговаривая с птицей.

Мария Ефимовна видела только его широченную спину и огромные руки.

Сладкий ком сдавил горло женщины, глаза ее застелило счастливыми слезами, и

она заплакала, прислонясь к дверному косяку.

А Максим Петрович смеялся...

Поздно вечером возвращаются с собрания Гена и Таня домой.

Накрапывает теплый, ласковый дождь.

Они идут бульварами.

Сейчас в самый раз появиться бы музыке, песне... и вот она. Навстречу нашим друзьям, то появляясь под фонарями, то скрываясь в тени деревьев, идет песня, идет четырехголосая, ласковая, с двумя гитарами. И несут эту песню два паренька, Генкиных ровесника, и две девушки, ровесницы Тани.

Они уже прошли и скрылись в аллее, щедро оставив песню еще долго звучать под деревьями...

— «Против — нет, воздержавшихся — нет, принят единогласно!» — почти декламирует Гена.

Он возбужден, он еще под впечатлением собрания.

— Я все-таки не понимаю, — горячится Гена, — как вообще в нашей жизни можно быть воздержавшимся?! Не «за», не «против»... как медуза какая-нибудь!.. Не понимаю.

— Поэтому и болтаешь, не зная чего.

— Чего, — болтаешь? — не понимает Гена.

— А я тебе невеста?

Но Гена совершенно искренне удивляется.

— А кто же ты?

Таня даже останавливается от возмущения.

— А ты меня спрашивал? А если я против?

И снова прямой вопрос Гены ставит Таню в тупик.

— А ты против?

Ну что она, действительно, может ответить?

— Все равно, — говорит она, — спрашивать надо. — И отходит в сторону.

Первая ссора, когда кажется, что навсегда и когда дождь очень не к месту.

Пожилой прохожий под зонтиком прогуливает собаку. Он заглядывает в лицо Тане и очень грозно направляется к Генке.

— Вон видите — милиция? — весьма строго спрашивает он у ошеломленного юноши. — Рядом — подъезд. Вы войдете в этот подъезд, повернете налево. На первом этаже увидите дверь, на ней надпись: «Александр Александрович Сумароков, три звонка». Это — я. Туда и принесете мне.

Генка даже теряется от такого натиска и не сразу берет зонтик, который ему протягивают.

— Берите, берите, берите! — прикрикнул прохожий. — А то вот она будет так стоять и простудится. Да еще, не дай бог, помрет! Это не шутка!

И, сунув в Генкину руку зонт, уходит разгневанный, волоча за собой собаку.

Гена вовсе не собирается заискивать перед Таней. Но только чего ж ей мокнуть. И он, далеко отставляя руку, накрывает ее зонтом.

Она, даже не оборачиваясь, понимает, что он рядом, и неожиданно говорит очень тихо:

— Поцелуй меня...

— Зачем? — раздается глупый Генкин вопрос.

Девчонкам откуда-то известно, что любовь должна быть с грустью (быть может, из песни), поэтому Таня улыбнулась грустно и сказала:

— Просто так...

Непривычные Генкины губы вытянулись, как у муравьеда, прикоснулись к Таниной щеке. И Таня, все еще тщетно пытаясь казаться грустной, тихо обронила:

— Спасибо.

А Гена только секунду спустя пришел в себя и заорал:

— Эх! Вот сейчас можешь загадывать любое желание!!

— А падающая звезда будет?

— Если я захочу, будет!

— Будет?

— Будет!!

И, схватив Таню за руку, потащил ее за собой.

Вот они в центре шумящего вечернего города.

— Сейчас! — приговаривает Гена. — Сейчас! Задумала желание? Только нужно настоящее! Про тебя, про меня, про нас с тобой!

Он косится на часы... тянет время, но делает это горячо и азартно:

— Задумала?! Про дальние края, про пути-дороги! Чтоб жить нам по сто лет, чтоб жить нам в коммунизме!

В желание он вплетает все, что видит вокруг.

Проезжают велосипедисты, и тотчас раздается:

— Тогда и велосипедов, наверно, не будет!..

Проносится «Волга».

— И автомобилей тоже, и все будут летать только на вертолетах!

Провозят детскую коляску.

— И будут у нас дети — мальчик и девочка!

Таня звонко смеется и тут же попадает в Генкину мечту:

— ...И чтобы ты вот так же смеялась всегда... а теперь приготовиться...

На башне, отбивая четверть, бьют куранты.

И Генка, мой дорогой Генка, в закопченной, рваной рубахе, с синяком под глазом, простирает руку в ночное небо:

— Загадывай!

И на глазах у Тани происходит чудо: повинуясь молчаливому приказу ее друга, с севера на юг, пересекая небо, проплывает звезда.

Мария Ефимовна в своей комнате отводит от глаз бинокль и отдает его Максиму Петровичу. Они стоят у окна. Перед ними город в огнях и звуках.

— А он вот так летает, — объясняет мастер. — И все время по радио делает: «пип-пип-пип-пип-пип»... все время...

Надо же, сколько вы знаете!

— Интересуюсь...

Помолчали...

— Это кто ж у вас на гитаре играет? — спрашивает Максим Петрович.

Мария Ефимовна стоит, глядя в ночь за окном, стянув плечи шалью, и говорит туда же, в ночь:

— Я, молодая была... играла... пела...

И, наверно, оттого, что вспомнили о ней, о старой, давно не снимавшейся с гвоздя гитаре, она вдруг зазвучала.

Зазвучала негромко и только для них — для Марии Ефимовны и Максима Петровича. Зазвучала в ответ на их разные, а может, и одинаковые мысли. Звучала так, что если бы вошел сейчас посторонний, то не услышал бы гитары, а лишь увидел двух немолодых людей, погруженных в задумчивое молчание...

Но отзвучал последний аккорд, растворился в темноте за окном, и в наступившей тишине, вздохнув, Максим Петрович сказал:

— Хороший инструмент!.. Пойду я.

— Я провожу, — отрывается от окна Мария Ефимовна.

В дверях они сталкиваются с вернувшимся Геной.

...Попрощавшись с Максимом Петровичем, Мария Ефимовна провожает его глазами, пока он, пройдя двор, не скрывается за воротами. Возвращается в комнату...

Быть может, это песня так подействовала на нее, а может, и еще что, но только, проходя, глянулась она в зеркало, как лет двадцать назад, и улыбнулась своим неожиданно помолодевшим мыслям.

Наклонившись над засыпающим Геной, она сразу заметила и синяк под глазом, и порванный пиджак, и замаранную рубаху. Но, промолчав об этом, спрашивает сына, как единственного, кто может ей посоветовать:

— Не нравится он тебе?

Понимая всю серьезность вопроса, Гена отвечает не сразу:

— Почему не нравится... Пережитков много... А вообще еще вполне может человеком стать.

И приятно и грустно становится Марии Ефимовне от этого ответа: грустно оттого, что сын уже так вырос... и приятно... по той же причине. Она поправляет ему подушку и голосом, совсем уже не грустным, а, скорее, счастливым спрашивает:

— А когда же ты у меня человеком-то станешь?

И, почмокав губами, сын ответил с сонной уверенностью:

— Завтра, мама, завтра!..

На музейном стенде странное доисторическое орудие.

— ...Палка, камень,— рассказывает женщина-экскурсовод, — связанные вместе сыромятным ремнем, — каменный топор. Его создали человеческие руки многие и многие тысячи лет назад. Тогда перед создателем этого первого орудия труда лежал непознанный мир...

Среди экскурсантов — Таня и Гена.

— Таня, — тихо зовет Гена.

— Чего? — так же тихо отзывается девушка и придвигается ближе.

Но вместо того чтобы сказать ей что-то на ухо, Гена неожиданно целует ее.

— Ты с ума сошел?! — шепчет Таня.

Гена отрицательно мотает головой.

— Кругом же люди!

Тане кажется, что все видели этот поцелуй.

— Какие люди?! — озорно восклицает Генка и, как факир, взмахивает руками.

И силой его воображения исчезают окружающие, и только они с Таней остаются в совершенно пустом зале музея.

Но, конечно, это только воображение. Голос экскурсовода звучит по-прежнему:

— Товарищи, пожалуйста, не отвлекайтесь! И если можно, подойдите поближе. Итак, с этого первого орудия труда начинается история человечества. Пройдут века, тысячелетия, но всегда, пока будет существовать род людской, он будет славить труд, создавший человека, и человека, занятого трудом. Пойдемте за мной, товарищи! Я проведу вас по залам музея Человеческого гения.

Сопровождаемые голосом экскурсовода и звуками шагов невидимых экскурсантов, Таня и Гена проходят через величественные залы Науки, Искусства и, наконец, оказываются в зале Человеческой мудрости — в царстве книг. Большие и маленькие, толстые и тоненькие, старинные и современные книги лежат на полках, на специальных изящных подставках.

— В этом зале собраны книги, — оповещает голос экскурсовода. — Их много, их очень много, но у каждого из вас будет своя, самая любимая, самая справедливая.

Таня и Гена останавливаются в глубине у большой раскрытой книги, на титульном листе которой — профиль Владимира Ильича.

— Вы обязательно встретите ее, — продолжает экскурсовод, — добрую книгу, в которую будут вписаны самые простые, самые мудрые и необходимые слова!

— А хочешь, — торжественно говорит Гена, и глаза его становятся хитрыми, как в тот вечер после собрания, — хочешь, я покажу тебе ту звезду?

— Какую?

— Ту, на которую ты загадывала желание! Хочешь?! Закрой глаза!

Таня зажмуривается, Гена вводит ее в новый зал. Остановившись, командует:

— Смотри!

Таня раскрывает глаза, над ними — спутник...

...Исчезли чары, и наши герои вновь оказались среди многочисленных посетителей музея.

В том же зале, у стены присели отдохнуть два человека с указками — это уже знакомая нам женщина-экскурсовод и ее коллега, очень пожилой и очень седой мужчина.

— Вы знаете, Сергей Николаевич, я вас считаю самым умным человеком...

— Во всяком случае, самым старым, — усмехнулся Сергей Николаевич.

— Я не шучу, вот объясните мне. Вон, видите у спутника мальчика и девочку. Я рассказывала сейчас, на мой взгляд, очень интересные вещи, а они в это время целовались. Я не знаю, может быть, я рассказываю неинтересно?

Старик улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Тогда я не понимаю. Ведь вот сейчас, перед спутником, они не целуются, они серьезны, как это объяснить?

Но как раз в этот момент Гена опять наклонился к Тане и опять поцеловал ее.

— Я в твои годы так не поступала!

Пожалуй, самое трудное для матери однажды понять и примириться с тем, что ее родное дитя стало взрослым.

Вот так трудно сейчас Ольге Ивановне, матери Тани.

— Ты понимаешь, что ты еще ребенок? Ну скажи, что ты понимаешь в жизни?

— Все! — закусив губу, твердо отвечает Таня.

— Все! — с горечью повторяет мать и набрасывается на отца: — А ты, как всегда, молчишь? Конечно, удобнее всего молчать!

Танин папа отложил газету на колени, снял очки.

— Что мне надлежит сделать?

— Очень немного... подумать о судьбе дочери.

— Она в опасности?

Мама обиделась, передернула плечами.

Таня чуть не прыснула, а папа встал и прошелся по комнате. Он вовсе не был спокоен, он лишь старался казаться таким.

— Ты вот все шутишь, — сказала мама, — а она, оказывается, серьезно собирается уехать из дому.

— Да? — папа поднял брови. — Интересно... — Он обнял Таню за плечи. — Куда? Когда? Зачем?

— Ты ее лучше спроси — с кем? — подсказала мама.

— С кем? — спросил папа.

Таня посмотрела в ласковые, со смешинкой, отцовские глаза, им можно доверять!

— С одним человеком, — сказала она.

— Она уже целовалась с этим одним человеком.

— Это правда? — спросил папа.

— Да. — Таня сказала это спокойно и даже немного гордо.

— Ну что ж, — папа вздохнул, — в конце концов это должно было случиться. Кто же этот человек? Мы можем его увидеть?

— Ты хочешь его увидеть? — спросила мама и подошла к окну. — Пожалуйста.

— Только не тот, в шляпе, — сказала мама, — а этот, молодой.

И папа увидел Гену. Тот прохаживался по противоположному тротуару.

— Так, — сказал папа и надел очки. — Ну что ж!..

Он снова прошелся по комнате, сел в кресло, взял газету и спросил:

— А чай мы сегодня будем пить? — Теперь в его голосе послышался металл.

— Конечно, — тихо сказала мама. — Танюша, накрывай на стол.

Папа несколько секунд сосредоточенно рассматривал газету, напевая сквозь нос что-то классическое, потом спросил, не отрывая глаз от текста:

— Как его зовут?

— Гена, — ответила Таня.

Отец запел громче прежнего и подошел к окну.

В комнате наступила тишина.

— Геннадий! — крикнул отец.

Гена поднял голову.

— Можно вас попросить подняться?

Танин папа внушительно поглядел на Таню и маму и, сказав:

— Вот так! — сел в кресло.

В комнате снова наступила тишина. Папа сопел, уткнувшись в газету. Таня теребила гардину у окна, а мама до бесконечности протирала одно и то же блюдце.

Тишина накапливалась, нарастала и наконец разрешилась звонком в передней.

Мама и папа поглядели на Таню, и та, побледнев, пошла открыть дверь.

— Ты пока молчи, — сказал Танин папа и поправил галстук.

Мама поставила блюдце и взялась за другое.

Раскрылась дверь, и на пороге показался Гена.

Из-за его плеча Таня тревожно глядела на родителей.

— Здравствуйте, — сказал Гена.

— Здравствуйте, здравствуйте, — очень весело почти закричал папа и, вскочив, потряс Генкину руку.— Булатов.

— Сохненко, — представился Гена. — Геннадий.

— А это Танина мама! — закричал папа.— Оля, познакомься.

— Мы уже знакомы, — сказала мама и протянула руку.— Булатова, Ольга Ивановна.

— Сохненко, Геннадий.

После папиного крика тишина ощущалась особенно неловко. Таня негромко пригласила:

— Ты проходи, садись.

— А вы прямо к столу, Геннадий! — снова закричал папа. — И будем пить чай... Женщины, обслуживайте мужчин! Давайте, чего у вас там есть, — варенье, печенье. Наше мужское дело — ходить на охоту и приносить в дом добычу, а ваше — поддерживать в пещере огонь и поить нас чаем с вареньем. — И захохотал. — Верно, Геннадий?

— Да, — вежливо и серьезно согласился Гена.

На столе появилось все требуемое, и мужчинам налили чай: Таня — отцу, мама — Гене.

— А где же дед? — неожиданно вспомнил Танин папа и позвал: — Дед! Иди с нами чай пить.

Знакомясь с Генкой, глуховатый дедушка быстро оценил ситуацию и спросил очень громко у Тани:

— Это что, твой жених, что ли?

Деда быстро усадили, чтобы не болтал лишнего. Сели и женщины. Все зазвенели ложечками.

— Горячий! — с удовольствием сказал папа, сильно обжегшись.

— Вы берите варенье, — сказала мама. — Вот домашнее, без косточек.

— Спасибо! — Генка отхлебнул чай и тоже обжегся.

Таня тоже обожглась, и только Ольга Ивановна долго дула на дрожащую ложечку и лишь потом сделала глоток.

— Куда же вы собираетесь? — спросила она, глядя на ложечку.

— Мы? Погулять пойдем или в кино, — ответил Гена.

— Нет, — Ольга Ивановна по-прежнему смотрела на ложечку,— я слышала, вы с Таней вообще строите какие-то планы на будущее?

— Мама! — сказала Таня, и губы у нее задрожали.

— Подожди! — остановила ее Ольга Ивановна. — Я только хотела сказать, что у Тани есть отец и есть мать, и им не безразлична судьба дочери.

— Ну это естественно, Оля, это он сам прекрасно понимает, — сказал папа.

— Да? — усомнилась Ольга Ивановна. — Ну а, к примеру, как он решит жилищный вопрос?

— Мама, перестань! — Таня выскочила из-за стола и глазами, полными слез, уставилась в окно.

— Нам дадут комнату, — мрачно, но уверенно заявил Гена.

— В Киеве? — Такой наивности Ольга Ивановна еще не встречала. — Интересно! Вам обещали? — иронизировала она.

— На краю света! — сказала Таня.

— Вот! — торжествуя, воскликнула Ольга Ивановна. — Так я вам должна заявить совершенно официально, что этого не будет!

— Мама! — снова крикнула Таня.

— Оля, — сказал папа.

И все увидели, как Гена медленно отодвинул от себя чашку.

— Я не знаю, как решит Таня, — сказал он хрипло. — Не знаю... Но то, что вы говорите,— это... это вы неверно говорите. Как это вы просто: «Этого не будет»... Что ж, она всю жизнь должна около вас жить?.. Так ей и будете всегда из клюва в рот зернышки класть?!

— При чем тут клюв? — бледнея, спросила Ольга Ивановна.

— Это к слову... Вы говорите, планы строим? — Генка упрямо тряхнул головой. — Строим! А вы что, никогда не хотели на край света?!

— Но мы же вас не знаем, — робко сказала Ольга Ивановна.

— Оля! — проговорил папа, и у него, как у Гены, заходили желваки на скулах.

— Не знаете? — Глаза у Гены сузились.— А ее вы знаете? Ей верите? Дочке своей?! — Внутри у него будто натянулась какая-то струна и теперь звенела на самой высокой

ноте: — Сомневаетесь?! А это вы видели?! — Он выкинул перед собой руки огрубевшими ладонями кверху. — Что же она, по-вашему, с подлецом гуляет?!

Он нашел глазами фуражку. Схватил ее и быстро вышел из комнаты.

Когда хлопнула входная дверь, Таня рванулась и, выбежав на площадку, крикнула:

— Гена!

Он остановился площадкой ниже.

— Что?!

— Ты был груб с мамой, а сейчас со мной.

— Да?! А ты как хотела бы, когда нам такое говорят?!

— Все равно... Ты не должен был.

Гена набрал воздух, чтоб ответить, но не смог... повернулся... и пошел вниз.

— Подлость! — выкрикнул Танин папа, и Танина мама мгновенно зажала уши. Но папин крик проникал и сквозь ладони: — Вы понимаете, что все мы совершили сейчас подлость?! Вы это понять можете? Человек тебе мозоли показывает, а ты — «Мы вас не знаем»! А когда я к тебе, Оля, пришел двадцать один год назад, у меня штаны на одном месте просвечивали, и крыши у меня не было, и родители твои против были, а ты же пошла за мной?! Может, сейчас жалеешь?!

— Я не жалею, Костя, но ведь тогда было другое время.

— Ну, знаешь что, Оля!.. Время всегда другое! А им по восемнадцать лет, и ты их просто понять не можешь!

Тут дед, до того молчавший, вдруг взорвался. Сначала гнев его обрушился на Танину маму.

— Ты уши не закрывай! — крикнул он. — Ты слушай!

Выдав порцию маме, дед перекинулся на папу.

— А ты чего кричишь?! Кричи, кричи! Поможешь криком, что ли?!

Открылась дверь, и Таня молча, ни на кого не глядя, прошла в свою комнату.

Стоя на коленях рядом с комодом, Мария Ефимовна собирала сына в дальнюю дорогу. Она укладывала рюкзак.

...Вот майка с эмблемой Трудрезервов... футбольные трусы. Она доставала вещи из выдвинутого ящика и, мгновение подержав перед глазами, отправляла в рюкзак.

Неожиданно она увидала первую сыновью обувку: ботиночки-топтунки, или, как их называют, пинетки.

Мать поставила их на ладонь. Ей вспомнились, очевидно, первые нетвердые шаги ее Генки и первая его шишка на лбу, и то, как топтунки эти скоро стали малы, а выбросить их было просто невозможно, и она хранила их вот уже восемнадцать лет.

Задумавшись, мать держала ладонь перед

глазами и очнулась, лишь когда в комнату вошел Максим Петрович.

— Вот! — сказал он, доставая из картонной коробки добротные рабочие ботинки. — Их ему надолго хватит. А то ведь, знаешь, теперь как... Все по дорогам, а им, молодым, по тропке. Всем по гладкому, а им по камням. Да ведь обязательно еще в гору норовят.

Максим Петрович извлек из ботинок бумажку. Прочел торжественно:

— «Обувная фабрика. Город Киев. Братская улица, дом шесть. С гарантией...» Мне бы такие, с гарантией... Комсомольскую путевку, да на край света!..

Он видит в руках матери топтунки и осторожно берет их в свои огромные ладони. Рядом с ботинками они кажутся особенно крохотными.

— Это что? — не сразу понимает мастер.

— Тоже его... Первые...— и губы матери начинают дрожать.— Берегу, не знаю для чего...

— А с ней он попрощался?

Мать усмехнулась.

— С его-то характером?

— А где ж сам-то?

— Переживает, — сказала мать и глазами показала вверх, где над потолком, над чердаком, на крыше прощался Гена со своими голубями.

Одет Гена по-дорожному. Он в последний раз кормит птиц. Сыплет птицам зерно, прощается с детством. Поймал своего любимого

«киевского светляка», расправлял ему крылья, раздувал перья на головке, терся лбом о восковой клюв.

...В ворота вбежала Таня...

Не замечая никого и ничего, она добежала до сарайчика. По лесенке взлетела на крышу его, еще лесенка, и перед ней растворилась сетчатая дверь, и крепкие Генкины руки подхватили девушку. Она не могла говорить.

Прижавшись щекой к Генкиной груди, Таня слышала его сердце. А он, обняв ее, готов был стоять вот так, молча, до бесконечности.

...Ходят у ног голуби, стучат клювами. Таня поднимает мокрые глаза и спрашивает вовсе не то, что хочет:

— А где же, ты говорил, птенцы?

— Разве их теперь узнаешь, — усмехается Гена. — Выросли. Вот осенью родился... и этот тоже... Письма-то писать будешь?

— Нет! — Таня говорит это даже сердито. — Я не буду писать тебе писем, потому что я так люблю тебя, Гена, что просто приеду к тебе на всю жизнь.

— Петька! — заорал Гена.

Тотчас, как из-под земли, появился Петька, только и дожидавшийся этого зова. Он был волевой пацан, и свой восторг хорошо скрывал под внешней строгостью.

— Принимай хозяйство!

Снизу за этим торжественным актом, немея от зависти, следили Петькины сверстники.

Гена пожал Петьке руку и помог Тане спуститься с крыши.

А когда оглянулся с земли, Петька, уже входя в роль хозяина, деловито загонял птиц в голубятню, солидно приговаривая:

— Киш-кш-кш-кш...

...Все трогаются к воротам: впереди — Максим Петрович с чемоданом, позади — Гена. По одну его руку — мать, по другую — Таня. Мария Ефимовна держится за сыновний рукав и все глядит, глядит в ненаглядное лицо, молча прощаясь с ним глазами. Глаза эти и плачут и улыбаются. Так испокон веков наши матери провожали сыновей в далекий путь, на славные дела.

— Ма! — говорит Гена. — А она скоро ко мне тоже приедет. Вот кончит учиться и приедет.

Мать обнимает Таню. Заглядывает в ее глаза.

— Заживешь своим домом с молодой женой, да и забудешь меня, старую?

— Не забуду!

— Смотри, ее не обижай, чего не знает — научи, чего не может — помоги. Дети пойдут — ко мне на лето привозите.

— Это еще не скоро, — серьезно говорит Гена.

— Вот и глупые будете. Чем раньше, тем лучше.

От ворот Гена оглянулся на голубятню.

— Голубей-то Петьке? — спрашивает мать.

— Ага. — И Гена крикнул вверх: — А ну взгони на прощанье!

Петька открыл дверцу, и голуби, подгоняемые им, стали выходить на крышу.

Раздалось знакомое пыхтение, и у ворот Генкиного дома появился Конопляпистый. Он тщетно пытается завести мотоцикл с ходу, с разгона.

Последняя неудачная попытка как раз и закончилась здесь, у ворот.

— Але, чего это, уезжаете? — полюбопытствовал Васька.

Не отрывая глаз от голубятни, Гена кивнул.

— Далеко? — задает Васька новый вопрос.

— Далеко, далеко, — отмахнулся Максим Петрович, — отсюда не видать.

— А голубей не продашь?

Но Ваське даже не ответили.

Конопляпистый вздохнул, перевел взгляд с Генкиного рюкзака на свой мотоцикл и сказал тоскливо:

— А у меня вон все не заводится никак,— и безнадежно крутнул ручку.

Максим Петрович протягивает Генке продолговатую коробочку:

— Самописка... Чтоб матери письма писал. — И, присовокупив к самописке бинокль, добавил: — Ну и мне приветы... Давай, что ли!

Он провел рукой по губам, уколол Генку своей щетиной и, чтобы не раскиснуть, грозно крикнул вверх:

— Ну, чего ты там! Свистнуть не можешь?!

Но у Петьки свист не получается.

— Эх! — крякнул Максим Петрович и, сунув в рот пальцы, оглушительно свистнул сам.

Мария Ефимовна, не разобравшись, укоризненно ругнула сына:

— Гена, ну ты же большой!

Но Генка вдруг заторопился. Припал в последний раз к матери. Шепнул что-то Тане. Принял из рук Максима Петровича рюкзак и шагнул к машине, из которой к нему протягивались руки товарищей.

И вот он уже среди них.

Машина трогается, а когда набирает скорость, Генка достает из-за пазухи последнего голубя — друга своего детства.

Птица трепещет на его ладонях и, взмахнув крыльями, уносится туда, где он вырос, где с ним происходило все то, чему мы были свидетелями.

И снова, на этот раз последний, в картине, а быть может и в Генкиной жизни, раздается пронзительный свист.

Он смешивается с ветром, дующим в лицо, и смолкает, уступая место словам матери, которые звучат тихо, почти шепотом, но которые слышны всем:

— ...А я все спрашивала, когда же ты у меня человеком станешь?.. А ты уже в пути... Счастливого тебе завтра, сынок, счастливого тебе завтра, мой человек!

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Режиссер Яков Александрович Сегель по им же написанному сценарию поставил фильм «ПРОЩАЙТЕ, ГОЛУБИ!»

Производство Ялтинской киностудии и студии им. М. Горького. Выпуск 1961 года.

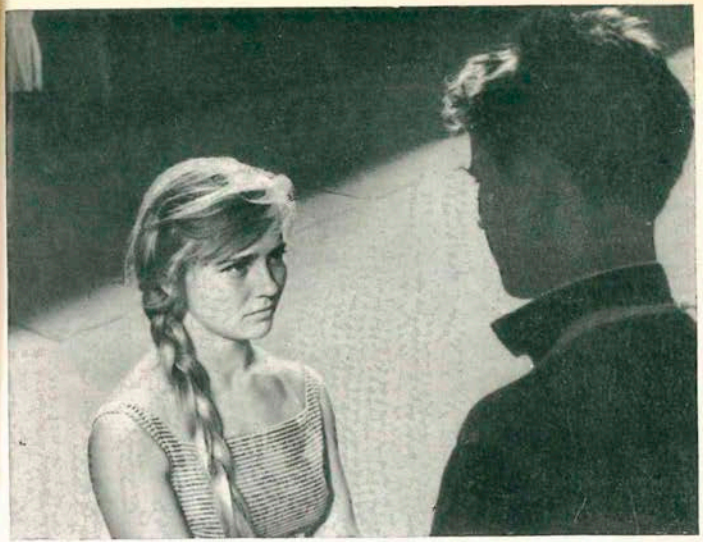
Оператор — Ю. Ильенко. Художники — Л. Георгиев, В. Левенталь. Композитор — М. Фрадкин. Звукооператор — В. Дмитриев.

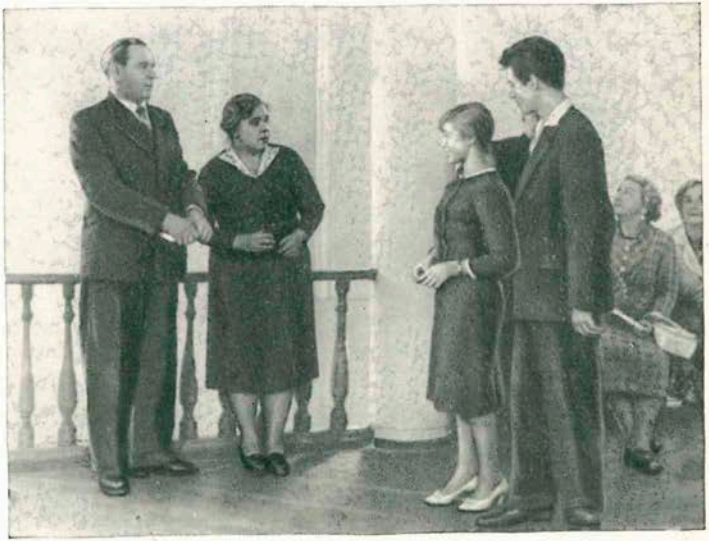
В главных ролях:

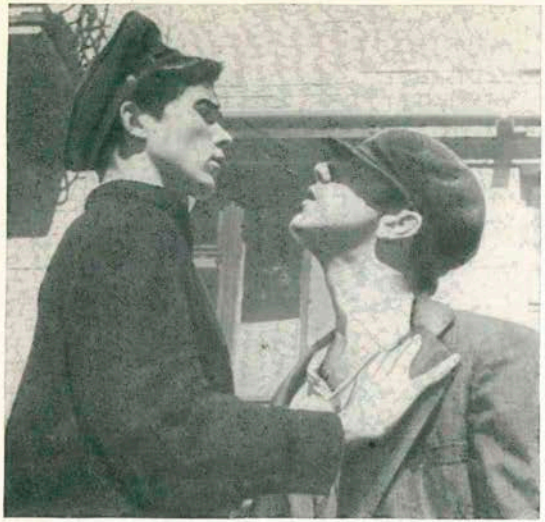
Гена — А. Локтев, Таня — С. Савелова, Мария Ефимовна — В. Телегина, Максим Петрович — С. Плотников.

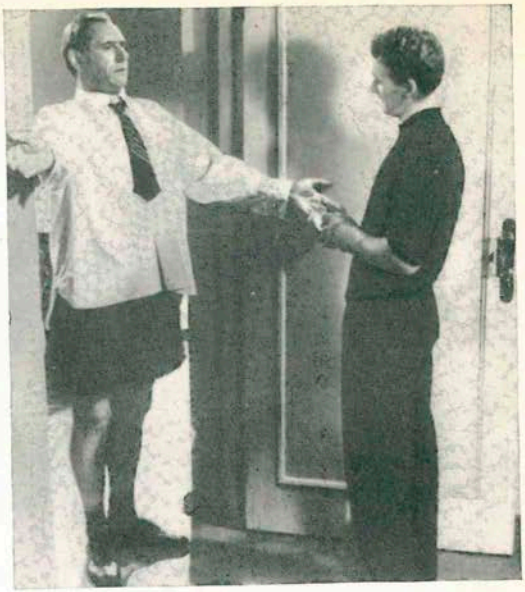
В эпизодах:

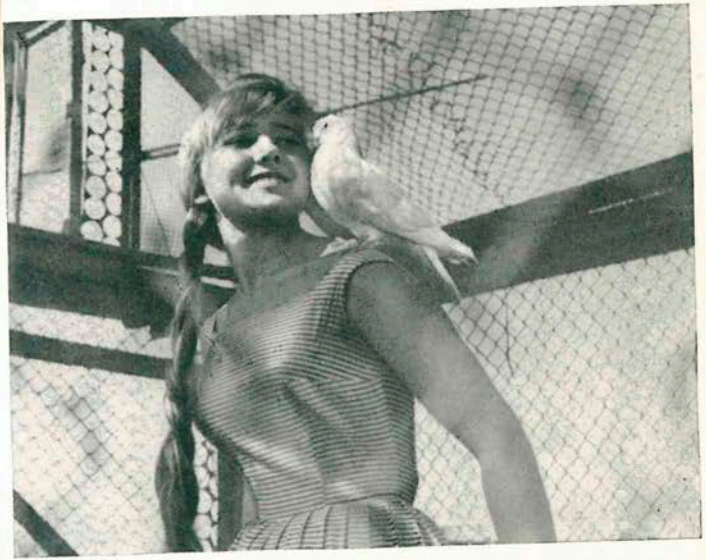
А. Постникова, И. Маркевич, В. Придаевич, В. Тесля, А. Сумароков, Е. Максимова, С. Крамаров, В. Вескляров, В. Брылеев, О. Наровчатова, С. Ануфриев, В. Савиних, О. Тваружек, В. Дибров.

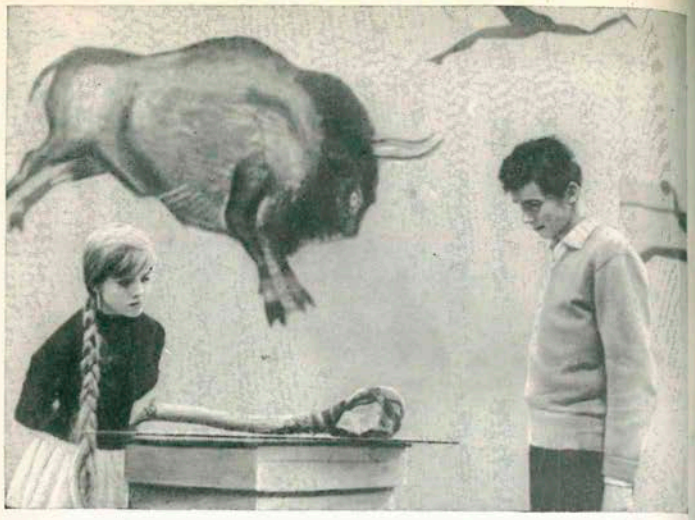


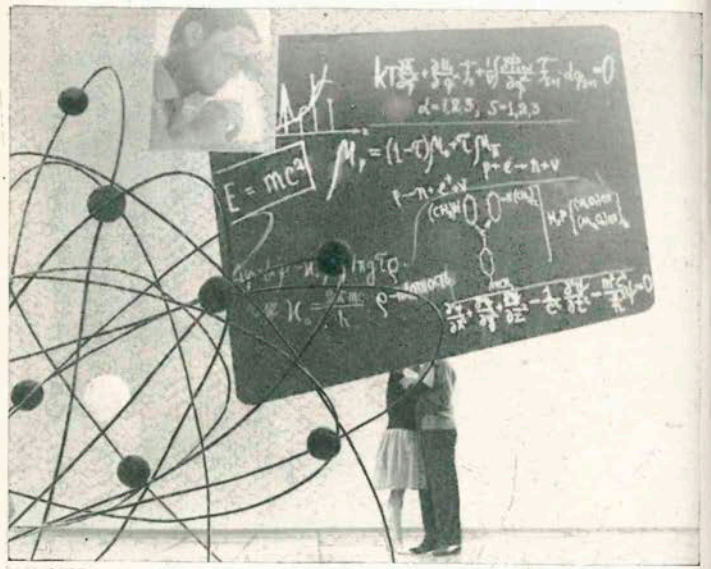


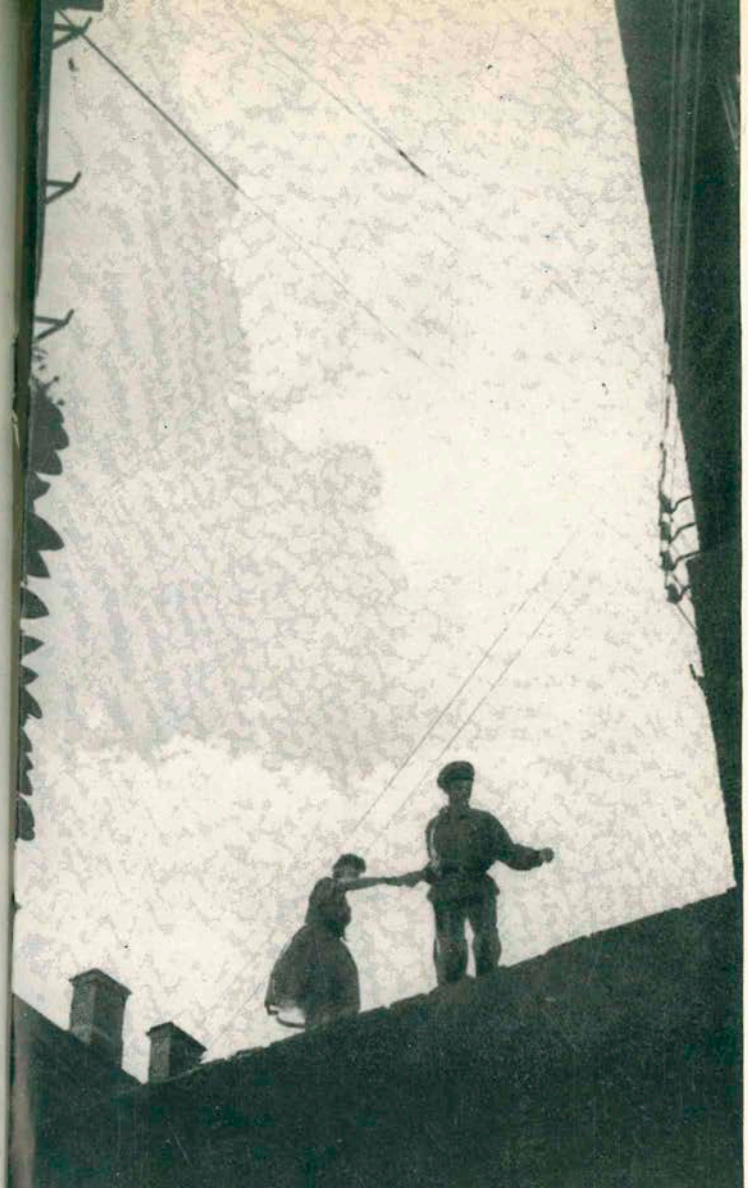









E = mc²



Яков Александрович Сегель
ПРОЩАЙТЕ, ГОЛУБИ

Редактор *А. Г. Назарова*
Оформление художников *Г. К. Александрова*
и *В. А. Евстифеева*
Художественный редактор *Г. К. Александров*
Технический редактор *И. Н. Подшебякин*
Корректор *З. Д. Гусева*

Подп. в печ. 9/V 1961 г. Сдано в производство 14/VI 1961 г.
По оригиналу макету.
Форм. бум. 70 × 92¹/₃₂. Печ. л. 2,875. (условных 3,36)
Уч. изд. л. 3,114. А05572. Тираж 11 000 экз.
Изд. № 15383. Зак. тип. № 517.

«Искусство», Москва И-51, Цветной бульвар, 25

Московская типография № 8
Управления полиграфической промышленности
Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Цена 17 к.

театре Моссовета и одновременно работал статистом в театре. Артист, по признанию самого Сегеля, из него не получился, но в театре он «нашел» себя,— его «потянуло к режиссуре, и непременно в кино».

В 1948 году Сегель поступил во ВГИК, который закончил в 1953 году по мастерской С. А. Герасимова.

Дипломная работа Сегеля — фильм «Переполох», поставленный вместе с В. Ордынским по новелле Чехова, был выпущен на широкий экран.

По окончании ВГИКа молодой режиссер работает на студии им. М. Горького. Вместе с Л. Кулиджановым им поставлены фильмы «Это начиналось так» и «Дом, в котором я живу», получивший международное признание.

Над фильмом «Первый день мира» Сегель работает уже без соавтора, а для своего последнего фильма, «Прощайте, голуби!», он сам пишет и сценарий.

Всю страсть художника, все свое дарование он отдает любимому киноискусству, стремясь запечатлеть на экране своих современников, величие и красоту их будничных подвигов, зовущих на новые подвиги — такие же простые и нужные.

Цена 17 коп.